

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85.

ЦЕНА НОМЕРА: { в Москве. . 60 р.
„ провинции. . 64 р.

№ 29—30. } 10—17-го августа 1922 г. { № 29—30.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: *Лисицын*—„Законность и старые юристы“. *Прушинский*—„Можно ли коммунистов посылать в коллегии защитников“. *Эстрин*—„Единая судебная система и марксистская теория права“. *Рымдзюнский*—„Вопросы действующего семейного права“. *Тариновский*—„Голод, НЭП и движение уголовных и гражданских дел в народных судах“. *Брагинский*—„Обзор советского законодательства за время с 9 по 29 июля 1922 г.“. *Зайцев*—„Правые эс-эры перед судом пролетариата“. *Суд и жизнь: Морозов*—„Как работает народный суд большого района“. *К.*—„Впечатления судьи“. *Дискуссионная страница по применению Угол. Кодекса*—Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции: *Проект Гражданского Процессуального Кодекса*—Практика Высшего Судебного Контроля.—*Хроника*: „Вопросы юстиции на Всероссийском совещании прокуроров“.—„Первое открытое общее собрание членов общества работников советского права“.—На местах.—Из печати.—Критика и библиография.—Почтовый ящик.—Официальная часть.

Законность и старые юристы.

Юрист воспитан на уважении к закону, говорили нам, и поэтому-то так мало старых юристов в советских судах, где не применялись писанные законы.

Текущий год проходит под знаком революционной законности и мы многое делаем, часто по своей неумелости, во вред рабочим и крестьянам и на пользу новой буржуазии (умеющей использовать легальные возможности), чтобы доказать наше уважение к советским законам. Но как советские законы выполняются теми, кто до сих пор носил траур по законности и в припадке скорби посыпал пеплом свою главу?

Перед нами раскрылась интересная картина деятельности старых юристов-спецов, играющих весьма видную роль во всех советских учреждениях и хозяйственных органах, тех юристов, которые «не приемлют революции», а законность признают без прилагательного.

Биржевой комитет центрально-товарной биржи ВСНХ и Центросоюза образовал при бирже арбитражную комиссию. Арбитражная комиссия действует как постоянный третейский суд на основании положения, утвержденного биржевым комитетом, причем означенным положением ей присвоены самостоятельные и независимые от кого-либо «права устанавливать правила внутреннего распорядка для распорядительных судебных заседаний, разрешать принципиальные вопросы, возникающие в судебных заседаниях и требующие единообразного их применения при разрешении спорных дел». (Ст. 2 полож.). Нечего и говорить, что положение об арбитражной комиссии совер-

шенно игнорирует декрет о третейском суде (Собр. Узак., № 28—1918 г., ст. 366). Более того, если даже считать, что этот декрет в настоящее время устарел, то в отношении системы судебного права, осуществляемого Наркомюстом, положение является грубейшим произволом, юридически нарочито безграмотным.

Что иное можно сказать про такие «законодательные» перлы юристов биржевого комитета, как, например:

«Допрос свидетелей, сведущих лиц и представителей организаций может быть поручен арбитражной комиссией отдельным ее членам, местным арбитражным комиссиям (целое министерство юстиции! А. Л.) и, поскольку это допускается действующими законами, местному (очевидно, по закону временного правительства Керенского, так как у нас есть единый народный суд. А. Л.) народному суду» (ст. 17 полож.).

Или:

«Обжалованию решение не подлежит» (ст. 23); «Если добровольного исполнения не последует, копия резолюции по делу сообщается биржевому комитету для принятия соответствующих мер» (ст. 28).

А какие это меры, можно видеть по результатам деятельности арбитражной комиссии, в настоящее время проверяемым Наркомюстом вследствие поступившего ряда жалоб.

Биржевой комитет присвоил себе некоторое подобие карательной санкции: «устанавливать размеры штрафа за нарушение правил биржи; исклю-

чать членов биржи, виновных в нарушении правил биржевой торговли и в неисполнении **решений арбитражной комиссии**. (Курсив мой. А. Л.).

Не будем также иронизировать по поводу состава арбитражной комиссии, куда вошли глубоко почтенные господа: Кутлер, Шереметьевский, Гамбурцев, Филатьев, И. И. Шейман...

Ведь, недаром в проекте, внесенном тов. Лежавой в Совнарком, о торговых судах, повидимому, неожиданно для него проскочило требование назначать членами торговых судов лиц, имеющих не менее 6-ти летнего судебного (советской юстиции всего только 4½ года от роду...) или юридического стажа... Но предоставим слово представителям Резинотреста и Мосторга, подавшим жалобы в Наркомюст на действия арбитражной комиссии и биржевого комитета о нарушении ими не только существующих советских законов, но и тех правил, которые законно или незаконно были созданы арбитражной комиссией.

В своем отношении от 31-го июля № 6608 Резинотрест излагает:

«Согласно ст. 7 положения об арбитражной комиссии биржи рассмотрению арбитражной комиссии подлежат споры, возникающие из торговых сделок, зарегистрированных на бирже. Регистрации же подлежат все сделки, заключаемые на бирже в день их совершения (см. ст. 14 регламента биржевых собраний и биржевой справочник, стр. 93 и 101). Таким образом, рассмотрению арбитражной комиссии подлежат споры, возникшие из сделок, заключенных на бирже. Между тем, как видно из «Экономической Жизни» от 22-го июля, № 162, президиум биржевого комитета ныне установил **регистрацию внебиржевых сделок**, причем на практике на бирже регистрируются сделки даже спустя много месяцев со дня их заключения, даже **после их исполнения**, или регистрируются по представлении сделки одной из договорившихся сторон, хотя бы она и не была членом биржи, тем самым определяется по усмотрению этой стороны и рассмотрению споров по сделке в арбитражной комиссии».

Мосторг подтверждает это и, кроме того, сообщает (жалоба от 4 августа, № 466/8874):

«Подсудность иска к Мосторгу, как государственному учреждению, определяется согласно действующего права, т.-е. иски к нему, кроме исключительных случаев, заранее предусмотренных, разрешаются в особой сессии совнарсуда. Между тем, кооперативное товарищество «Хлебопечение» предъявило иск к Мосторгу в названной арбитражной комиссии и, несмотря на то, что со стороны Мосторга в заседании 3-го августа был заявлен категорический протест против разбора дела в арбитражной комиссии, последняя такового протеста не уважила и отказала в представлении возможности обжаловать таковое постановление».

Далее, Мосторг обращает внимание на следующие факты:

«Договор, неисполнение коего послужило причиной иска, был заключен **вне биржи** и, само собой разумеется, без участия биржевого маклера. Договор этот не был зарегистрирован на

бирже. Хотя истец перед самым предъявлением иска **специально для этого зарегистрировал данный договор на бирже**, но сделал это помимо и против воли Мосторга, т.-е. **пытался искусственно видоизменить подсудность исков к государственному учреждению**».

Читатель спросит: «да что, эти юристы из арбитражной комиссии о двух головах? Неужели они не понимают, что совершают уголовно-наказуемое присвоение функций государственной и судебной власти?» Нет, они твердо знают, что они делают, и на предложение НКЮ приостановить разбор дела и направить его в НКЮ для ознакомления с законностью действий арбитражной комиссии и определения правомерности ее функций арбитражная комиссия пишет: «постановила: возбужденный Наркомюстом вопрос о правомерности функций арбитражной комиссии представить на разрешение биржевого комитета. Заседание по настоящему делу не назначать до получения ответа от биржевого комитета».

Т.-е. иными словами: никаких ваших законов мы не признаем, а знаем только свое начальство, которое и потрудитесь привлечь к ответу в лице ответственных товарищей, стоящих во главе биржевого комитета.

Каковы же причины желания частных предпринимателей устранить искусственным путем подсудность исков народному суду, а со стороны юристов из арбитражной комиссии при бирже монополизировать наиболее доходные по размеру судебного сбора дела.

Ларчик просто открывается: **во-первых**, народный суд имеет в своем составе представителей рабочих и крестьян и несколько иначе относится к пониманию социальной функции частного капитала, чем законники юристы из арбитражной комиссии, «беспристрастно» (с точки зрения классовых интересов) разрешающие иски к государственным предприятиям так, что последние не знают где и как найти управу на произвол, чинимый над ними вопреки советским законам, **во-вторых**, ст. 32 положения об арбитражной комиссии упоминает, что «председатели и члены арбитражной комиссии за участие в распорядительных и судебных заседаниях получают пожетонное вознаграждение, размер которого в золотом исчислении устанавливается на год биржевым комитетом». Арбитражная комиссия взыскивает в свою пользу «сбор за разрешение спора в размере ½% с цены иска и 1%, если сделка зарегистрирована на бирже **впоследствии на предмет подачи искового заявления**» (ст. 29 полож. Курсив мой. А. Л.).

В народном же суде взыскивается судебная пошлина в размере от 1 до 3%, в зависимости от цены иска, а также гербовый и канцелярский сбор, поступающие целиком в государственный доход. Совершенно очевидно, что, помимо всего прочего, судиться в арбитражной комиссии, которая, конечно, не считает нужным взыскивать по поступающим бумагам гербовый и канцелярский сбор, в 3 раза дешевле, чем в государственном суде.

Фронту революционной законности свойственны все последствия классовой борьбы, а также свойственно разгильдяйство, наша слабость и неумение поставить и наладить работу так, что-

бы, например, биржевой комитет не превращался в законодательный орган с буржуазным уклоном, подрывая авторитет и силу народного суда и уменьшая доходы государства.

По любому проекту в настоящее время вы натолкнетесь на барьер в виде контр-проекта, сфабрикованного юристами, подобными законникам из арбитражной комиссии при бирже. Сколько времени уходит на то, чтобы отбить эти атаки, и на рассмотрение всех реставрационных и контр-революционных попыток.

Необходимо наступление, а не только оборона. Поэтому следует за составление проектов законов установить персональную ответственность тех юристов, которые, не считаясь с духом со-

ветского законодательства, желают протолкнуть совершенно контр-революционные предложения. И вполне разумно все такие проекты направлять в ГПУ на предмет выяснения контр-революционного авторства.

Что касается до всякой попытки устранить пролетарские органы, в частности, судебные, от разрешения важнейших вопросов, на том основании, что эти органы не внушают доверия буржуазии, то нужно пресечь такие поползновения самым решительным образом, призвав к порядку тех ответственных наших руководителей, которые в новой форме соглашательства возражают своеобразный меньшевизм.

А. Лисицын.

Можно ли коммунистов посылать в коллегии защитников *).

Разрешая вопрос о допустимости участия коммунистов в коллегиях защитников в положительном смысле, тов. Бранденбургский в «Правде» от 8 августа № 176**) мельком опровергает все, как будто бы, аргументы противников такого участия, но самого главного, краеугольного, на наш взгляд, камня тов. Бранденбургский не замечает. Не в том, конечно, дело, что адвокатура портит людей. Портить она портит, но не больше, чем наши тресты, Нижегородская ярмарка, заграничные поездки и т. п. Дело в том, что сил у нас нет, работников не хватает, целые отрасли чрезвычайно важной работы отдаются лицам недостаточно надежным во многих отношениях. При отсутствии сил необходимо поставить вопрос об их рациональном использовании, об ударных кулаках или распылении. Прежде всего, необходимо на должную высоту поставить суд. Сделано ли это? Достаточно ли партия выделила для этой первоочередной работы коммунистов-юристов? А прокуратура, а следователи? И что для нас—как общее правило—важнее, чтобы по какому-нибудь имеющему большое принципиальное или политическое значение делу выступили коммунисты в качестве представителей сторон или чтобы судьями были хотя бы те же коммунисты, или чтобы предварительное следствие вели не люди с старыми навыками, а лица, приемлющие диктатуру пролетариата. Ведь надежный, опытный судья всегда сможет соответственным образом разобраться в деле, даже в том случае, когда ученые юристы, чуждые духа советского права, будут выдвигать тяжелые батареи буржуазной науки и практики. А участие в деле коммуниста в качестве защитника при шатающемся, нестойком суде будет иметь в лучшем случае небольшое влияние, а в худшем потонет в общем русле просачивающейся через старую адвокатуру в суд идеологии. Ведь, т. Бранденбургский считает участие в коллегиях защитников работой неударной—зачем же отдавать на эту работу людей. Нет, не в коллегии защит-

ников место коммунистам, а в судебных органах. И мне думается, что пермские товарищи поступили бы более правильно и рационально, если бы вместо того, чтобы заняться исчислением максимальных доходов коммуниста-адвоката, выяснили, все ли помощники губернского прокурора уже приступили к работе, работают ли суды, как следует, и не надо ли им коммунистического подкрепления. А для дел особо важных и для особых категорий, для защиты интересов рабочих у нас не закрыт доступ в суд в качестве защитников представителям совучреждений, профсоюзов, рабкопов. Умелое использование этой возможности—одна из наших задач.

Если по вопросу о допустимости участия коммунистов в коллегиях защитников еще могут быть разные мнения, то та постановка практического разрешения, какую дает тов. Бранденбургский—не запрещать—является наименее приемлемой. Никаких оснований для отступления от общего порядка использования партсил не имеется. Если в коллегиях защитников все же должно быть несколько коммунистов,—то туда должны пойти не те, которые этого захотят, а те, которых партия туда для определенной работы пошлет. Не надо забывать, что наши товарищи будут в коллегиях защитников на весьма ответственных постах в неблагоприятном для них, а иногда и прямо враждебном, окружении, будут действовать в обстановке сложной и чреватой опасностями. Случайный подбор—дело мало подходящее. Признавая участие коммунистов в этой среде необходимым, надо послать туда стойких, твердых, испытанных товарищей, но их-то для этой работы и жаль, а потому лучше уже совсем коммунистов туда не посылать, а всех юристов извлечь и гнать в те госорганы, которые испытывают в них острую нужду.

С. Прушицкий.

*) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

**) См. ст. „Из печати“ в этом номере.

Единая судебная система и марксистская теория права*).

Приступая после Октябрьской революции к тому, чтобы набросать, хотя бы в самых общих чертах, основные положения пролетарской, т.е. марксистской, теории права, суда и наказания, как базис для практики пролетарских судов; мы невольно допускали одну серьезную ошибку: забывая, что перед нами длительный и болезненный период перехода от капитализма к коммунизму, период диктатуры пролетариата, мы нередко излагали принципы пролетарского права такими, какими они представляются в идеале, т.е. какими они могут быть только при полном осуществлении коммунизма, когда, в сущности, одновременно с государством, отомрет уже и право, как таковое.

Т. Саврасов, ответственный руководитель нашей карательной политики, утверждал («Прол. Рев. и Право», Окт. 1918 г. и № 2—4 1919 г., стр. 74): «Общая линия нашей политики по отношению к преступникам направляется... взглядом на них, как на жертвы свергнутого Октябрьской революцией строя», жертвы, притом, подлежащие, по мнению тов. Саврасова, лечению—этим термином тов. Саврасов заменял неудачный, по его словам, термин «исправление».

Такое определение сущности нашей карательной политики явно (для тов. Саврасова) оставляло вне поля своего зрения то, что стояло для всех нас тогда—да еще и теперь стоит—на первом плане: необходимость борьбы советского строя за самосохранение путем репрессивных мер, направленных против классовых врагов пролетариата. Поэтому т. Саврасов тут же оговаривался, что есть «и специфические преступники переходного периода, когда свергнутый буржуазный порядок еще не добит окончательно, когда он пытается подняться». Их наше революционное правосознание, как указывает т. Саврасов, признавало врагами народа и революции. Однако, убеждение в том, что содержанием пролетарского уголовного права и пролетарского правосудия должно быть только исправление преступника, так прочно сидело в головах, что тов. Саврасов заканчивает: «их не осудил народный суд, а покарал орган *sui generis*, орган несудебный (в таком понимании рев. триб. мы все сходимся)».

Правда, точка зрения, сводящая наказание в социалистической республике к одному лишь исправлению, не вполне была поддержана принятой в марте 1919 г. VIII партийным съездом программой РКП. В последней говорилось: «РКП, отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, должна стремиться к тому... чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера». Программа в этом своем пункте намечает конечный этап развития пролетарского права, из чего, в свою очередь, нельзя не заключить, что в текущий период развития революции деятельность суда вовсе не сводится к одному приисканию соответствующих дан-

ному преступнику мер воспитательного характера.

Действительно, если мы вспомним цитату из Энгельса, приведенную Лениным в статье «Государство и революция»—«Общественная власть... состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков—тюрем и принудительных учреждений всякого рода», то мы согласимся, что и посылающий преступника в тюрьму или даже только на принудительные работы суд есть одно из этих самых принудительных учреждений, учреждений для принуждения. А, ведь, тов. Ленин писал свою статью и приводил эту цитату именно для того, чтобы показать, что пролетарская революция не означает отказа от принуждения. Тов. Ленин указывает, что «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией должна смениться «особой силой для подавления буржуазии пролетариатом».

Стало-быть, если мы при режиме пролетарской диктатуры имеем суд, то он является аппаратом принуждения в той же мере, в какой он являлся им при буржуазном режиме. Изменилось лишь классовое содержание принуждения, а не самый метод принуждения.

И изданные в конце 1919 г. «Рук. Начала по уголовному праву РСФСР», правильно определив в ст. 3, что «советское уголовное право имеет задачей посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс...», констатируют в ст. 8, что задачей наказания является не исправление, как таковое, а «охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц».

Тов. Стучка вполне верно характеризовал в 1921 г., в своей книге «Революционная роль права и государства», наше право тем, что в нем «из целей наказания перевоспитание человека, его исправление, в пошлом, мещански-филистерском смысле, исчезает и остается лишь приспособление преступника к общественной жизни и разного вида воздействие на его психологию и т. д., а если все это не достигает результатов—его изоляция».

И, тем не менее, т. Стучка тут же сбивается на противопоставление, как за 3 года до его книги сделал это т. Саврасов, трибунала суду. Он приводит ст. 8 декрета о суде № 1 от 24/XI—1917 г., взяв оттуда следующую цитату: «для борьбы против контр-революционных сил, в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний... учреждаются... революционные трибуналы». Мы, заключаем т. Стучка, «никогда не судили противников, как противников».

На самом деле, перед судьейским столом проходят те или другие картины классовой борьбы, ее осложнений, ее отражений и воздействий на психику и поведение людей. Для нас, между тем, всегда являлись бесспорными слова Коммунистического манифеста: «всякая классовая борьба есть борьба политическая». И ст. 8 декрета о суде № 1 гораздо шире определяет компетенцию ревтрибуналов, чем цитата из нее в том виде, как

*.) Настоящая статья составляет часть доклада, сделанного на собрании Общества работников советского права 31 июля с. г., и печатается в порядке дискуссионном.

ее приводит т. Стучка. Именно, согласно этой статье ревтрибунал учреждается для борьбы против контр-революционных сил, о чем сказано в цитате т. Стучка, «а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников и прочих лиц». В значительной мере борьбой с этими же злоупотреблениями приходилось, а тем более приходится, заниматься народному суду и строгой демаркационной линии между ревтрибуналом и народным судом, исходя из существа фактически рассматривавшихся тем и другим дел, ни для одного периода нашей революции установить бы не удалось.

Чем же вызывалось то принципиальное противопоставление ревтрибунала суду, на которое снова и снова сбивались рассуждения многих ответственных товарищей? Вопрос тем настоятельнее требует ответа, что, как мы видели, ревтрибунал не признавался судом именно потому, что он признавался органом борьбы, в то время, как элементарнейшим и совершенно бесспорным для каждого марксиста является положение, что всякий суд есть суд классовый, т.-е. есть орудие классовой борьбы в руках того класса, который стоит у власти.

Ясный ответ на наш вопрос мы находим в статье т. Крыленко в юбилейном, к 1-й годовщине Октябрьской революции, сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата» (статья «Революционные трибуналы в практике российской пролетарской революции», стр. 252): «Трибунал не суд», писал... тов. Стучка и, безусловно, в определенном отношении был прав. **В привычном понимании** (курсив наш. А. Э.) суд сочетается всегда в нашем представлении с понятием о некоем посредничестве, о некоем споре, в котором судья, как незаинтересованное лицо, судит, взвешивает, разбирает и выносит приговор». В том-то и дело, что уже при самой постановке вопроса, о котором идет у нас речь, а тем более, при ответе на него, многие товарищи, несмотря на весь свой марксизм, оказались под сильным влиянием злополучного «привычного понимания», иными словами, под влиянием господствующих в науке права буржуазных теорий. И даже тов. Крыленко, который не вполне присоединился к точке зрения т. Стучки, ибо признал его правоту только «в известном отношении», даже он, продолжая свою мысль, выдвигает только утверждение, что «в политической борьбе, в борьбе классов нет арбитра, нет и не может быть судьи, налицо там только два врага».

Как не задать тут вопрос: что же, разве, когда пред пролетарским судом стоит рабочий, привлекающий к ответственности предпринимателя за нарушение законов о труде, этот пролетарский суд является уже нейтральным арбитром? И является ли он, вообще, нейтральным, незаинтересованным арбитром в споре между пролетарским государством и лицом, уличаемым в «общественно-опасном действии или бездействии, угрожающем основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени? А, ведь, деятельность всякого нашего суда, что касается уголовных дел, исчерпывается раз-

решением таких споров между государством и уличаемыми в преступлениях.

В предисловии к своей книге «Революция, роль права и государства» т. Стучка писал: «Энгельс буржуазное мировоззрение, вообще, отождествлял с «юридическим» мировоззрением. А это буржуазное мировоззрение все еще занимает весьма почетное место в головах довольно широких масс... А юридическая область по сие время осталась нетронутаю марксистами...». Действительно, революционным марксистам в России пришлось творить революцию и отстаивать ее в борьбе, требовавшей напряжения всех сил. Для теории, и особенно для марксистской разработки права, времени и сил почти не оставалось. Недаром тов. Стучка вынужден был предпослать своей книге «несколько слов в ее защиту», ибо он имел основание бояться, «что без этого никто не станет читать в нынешнее высоко революционное время рассуждения о таких «контр-революционных» предметах, как о праве».

Правда, неразработанность и неясность теории в этом вопросе не помешала нам найти и ввести в жизнь формы уголовного правосудия, наиболее соответствующие задачам и потребностям классовой борьбы в период гражданской войны пролетариата с буржуазией. Мы, по самой логике борьбы, вынуждены были создать два типа суда— нормальный (нарсуд) и исключительный, чрезвычайный (ревтриб.). Теория же просто не поспевала за жизнью. Хотя более дурных последствий это и не имело, но для марксиста и самая отсталость его теории от жизни является крайне нежелательной.

В данном случае отсталость теории была связана и с ее **внутренней** противоречивостью. «Рук. Начала» в своем введении устанавливали: «Как пролетариат не мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат, так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории. Без особых правил, без кодексов, вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. **В процессе борьбы со своими классовыми врагами** пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. **Опыт борьбы, однако, приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право...** В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть». (Курсив здесь везде наш. А. Э.). Тов. Стучка отмечает в своей книге, что он «за основу для своей работы взял то определение права, которое мы в коллегии Народного Комиссариата Юстиции в 1919 г. приняли в своих «Руководящих Началах уголовного права».

Итак, ревтрибунал—не суд, а орган борьбы; тем не менее, уголовное право определяется именно на основании изучения этой борьбы как «метод борьбы»; этот метод борьбы фиксируется, как «Рук. Начала уголовного права» для всех орга-

нов советского правосудия, т.-е. и для нарсудов, и для ревтрибуналов.

Если здесь не сведены концы с концами, то не сведены именно потому, что самое противопоставление суда и органа борьбы, как показало уже предыдущее наше изложение,—не марксистское противопоставление.

Для буржуазной теории непонятно, как можно не противопоставлять «борьбу» и «правосудие». Борьбу, ведь, и она связывает с земными интересами, в то время как правосудие является для нее проявлением стоящего выше этих интересов, несводимого на них, объяснимого лишь метафизически (сверхестественно) права.

Но мы, марксисты, давным-давно уже признали право явлением не небесного, а земного порядка. Марксистское понимание права вполне верно формулируют «Рук. Начала» в следующих словах: «право—это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т.-е. этого класса)». Конечно, в основе зафиксированного в законодательных актах (положительного) права лежит слагающееся стихийно, на почве соответствующих классовых интересов, классовое правосознание данного господствующего класса. Но это свое слагающееся стихийно правосознание пролетариат осмысливает, сознательно разбираясь, при помощи марксистского анализа, как в происхождении этого правосознания, так и в его назначении и социальной функции, функции орудия классовой борьбы. Только раскрывая пролетариату бывшие до того сокровенными пружины, движущие всеми процессами общественной жизни, и в том числе и стихийными явлениями, действующим лицом в которых выступает сам пролетариат, марксизм и создает, ведь, предпосылки для того «прыжка из царства необходимости в царство свободы», каким является совершаемый нами, хотя и затянувшийся, переход от капитализма к коммунизму.

Поэтому пролетарский судья, даже применяя «бесстрастно» и «нелицеприятно» законы пролетарского государства, будет чувствовать и признавать себя не нейтральным и внеклассовым арбитром, а активным орудием своего класса в его классовой борьбе. Наш Уголовный Кодекс так и смотрит на деятельность пролетарского судьи. В этом смысле мы и писали в № 21—22 «Еженедельника»: «Предлагая суду (ст. 9-ой) взвешивать наказание на весах своего социалистического правосознания, Уголовный Кодекс не отказывается этим самым от критерия опасности (т.-е. от критерия потребностей борьбы. А. Э.), а, наоборот, требует, чтобы суд положил в основание приговора как логические выводы о степени опасности преступления и преступника, так и классовую мудрость пролетариата, в целом—его внутреннее правосознание, дающее, в конечном счете, выражение коллективному представлению пролетариата о вреде и опасности этого же преступления».

Теоретическое недоразумение, каким мы должны признать взгляд на ревтрибунал, как на орган внесудебный, в настоящее время окончательно изжило себя. Вместо тех различных, по меньшей мере, неоднородно отредактированных, определенных

функций нарсуда и ревтриба, какие мы видим в ст. 22 Положения о Нарсуде от 27/X—1920 г. («При решении дел народный суд применяет декреты Раб.-Крест. Правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствуется социалистическим правосознанием») и в ст. 24 Осн. Пол. о рев. триб. от 27/III—1920 г. («Трибунал выносит приговоры, руководствуясь исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции»), мы имеем теперь в ст. 8 Уголовного Кодекса одну формулировку общих как для нарсуда, так и для ревтрибунала задач наказания. Точно также и общие принципы применения наказания формулированы Уголовным Кодексом для всех судебных органов вообще, безразлично, будут ли это нарсуды, или ревтрибуналы, причем основное значение имеет ст. 9: «назначение наказания производится судебными органами по их социалистическому правосознанию, с соблюдением руководящих начал и статей настоящего Кодекса».

С введением в жизнь 1 июня с. г. Уголовного Кодекса и 1 августа—Уголовно-Процессуального Кодекса мы имеем уже и формально единое для всех видов судебных органов РСФСР судебное право. Это значит, что мы очень близко подошли к объединению всех судебных органов в единую судебную систему. Вопрос о том, суд ли ревтрибунал, окончательно разрешается пунктом 1 ст. 23 Угол.-Проц. Кодекса: «Суд означает: народные суды, совнарсуды, губревтрибуналы, военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы и Верховный Трибунал».

Мы не можем, стало быть, далее делать то, что и до сего времени было ошибкой—принципиально противопоставлять ревтрибунал и нарсуд. Но мы должны согласиться, что и сейчас, а тем более, в предыдущие периоды гражданской войны, между ревтрибуналом и нарсудом существует глубокая, хотя и не принципиальная, разница. Эта разница является разницей лишь в методе подхода к борьбе с преступностью. В острые и тяжелые моменты нашей гражданской войны мы нуждались в особенно быстро и энергично действующих органах борьбы с наиболее опасными категориями преступлений. Только строжайшая дисциплина и порядок внутри могли нас спасти. Слабость судебной репрессии в такие моменты являлась бы гораздо большей бедой, чем излишне энергичное ее действие. Конечно, ревтрибуналы наши никто не вправе упрекнуть в тенденции карать невинных. Их задачей было лишь налагать наказания на уличенных в преступлениях и с этой задачей они посылно справлялись. Но условия революционной борьбы не позволяли затягивать трибунальное производство по каждому делу. Отсюда—значительное сокращение судебных гарантий для обвиняемых по сравнению с нарсудами.

В настоящее время советская власть стоит твердо и крепко. Гражданская война кончилась, хотя не кончилась еще козня буржуазной контрреволюции. Уже в Угол.-Проц. Кодексе несколько смягчены процессуальные особенности трибунального производства. Теперь можно сделать дальнейший шаг. Мы уже отметили, что постановлениями III сессии ВЦИК создано у нас единое судебное

право. Вполне своевременным и уместным является решение коллегии Наркомюста внести на IV сессию ВЦИК законопроект о создании единой судебной системы, конечно, с сохранением известных процессуальных особенностей для дел осо-

бой подсудности, но с ликвидацией ревтрибуналов (кроме военных), как особой чрезвычайной формы суда, не укладывающейся в рамки системы нормальных судов.

А. Эстрин.

Вопросы действующего семейного права*)

VII. Пределы родительских прав.

Тяжелые материальные лишения, переживаемые в последние годы массой населения, создали такие условия, при которых многие родители, по преимуществу матери, оставленные вольно или невольно отцами своих детей, вынуждены были расстаться с ними и дети эти оказались в других семьях, давших им приют и воспитание на протяжении более или менее продолжительного времени, зачастую по несколько лет.

И вот судебная практика сталкивается со случаями, когда родители с изменением условий жизни и некоторым укреплением своего материального положения предъявляют требование о возврате детей к воспитателям, которые всячески защищаются против таких исков, доказывая, что они привязались к приемным детям, как к своим, и обречены, что дети уже не знают родителей, от которых они ушли в самом раннем возрасте, что по материальным условиям им гораздо лучше будет у воспитателей, чем у родителей. Нетрудно предвидеть, что после окончания голодного года, на протяжении еще нескольких лет, по мере изживания нанесенных голодом ран, часто будут повторяться подобные иски и судьба многих сотен детей будет зависеть от того, на чью сторону встанет суд в таком споре, где на чашку весов ставится, с одной стороны,—материнская любовь, а с другой,—будущее ребенка. Поэтому разрешение основного вопроса о том, что должно лечь в основание решения, представляет собой не только весьма сложную юридическую задачу по современному семейному праву, но и настоящий жизненный интерес.

Прежде всего, необходимо установить одно положение, которое с правовой точки зрения представляется несомненным: ребенок не может быть объектом вещного иска, безгласным предметом для истребования, пассивно подчиняющимся решению суда, главной своей тяжестью падающего на его будущее и определяющего, в первую очередь, его жизнь, ибо ребенок есть, прежде всего, живое и правоспособное существо, обладающее само по себе и независимо от прав родителей, а тем более воспитателей, личными своими правами, для защиты которых должна быть ему открыта законная возможность, которая и существует в действительности, как это показано ниже. Стороны—самые близкие к нему люди: родители, с одной стороны, и воспитатели, заменившие родителей, с другой; предположим для простоты, что они обе действуют добросовестно и при нормальных условиях вполне

правомочны представлять и защищать его интересы, но совершенно очевидно, что в этом деле ни та, ни другая не могут быть настолько беспристрастны, чтобы спокойно и независимо действительно оценить положение, найти наилучший для ребенка выход и защищать это положение перед судом, потому что, в первую очередь, обе борющиеся стороны будут движимы личным чувством привязанности и в своем ослеплении лишены возможности объективно и беспристрастно обсуждать вопрос о том, на чью сторону склоняют дело интересы ребенка. Итак, нетрудно видеть, что хотя обе стороны и оперируют именем малютки и выставляют свои преимущества, но они выдвигаются, как доказательства их личных прав и в защиту их личных интересов, ибо основанием, на котором стороны строят свои права, служат не будущее этого живого существа и отнюдь не его право на возможно полное развитие своей личности, а их собственные права, которые можно формулировать словами, с одной стороны: «я его родила», а с другой, «не та мать, которая родила, а та которая воспитала», а поэтому каждая из сторон требует: «подай мне моего ребенка». Ясно, что при таком положении ни той, ни другой из тяжущихся не может быть вверено представительство интересов наиболее заинтересованной личности в процессе малолетнего и что оно должно проявиться в процессе каким-то другим образом. Каким же? Действующий закон дает для этого совершенно определенный выход. Поскольку ребенок сам недееспособен и выступать на суде не в состоянии, над ним согласно ст.ст. 190—193 Кодекса должна быть учреждена опека, о чем народный суд в силу ст. 195 обязан предложить местному отделу народного образования, которому по декрету СНК от 2-го декабря 1920 года (Собр. Узак. № 93, ст. 506) перешли функции опекунских учреждений над несовершеннолетними. На обязанности ОНО, как опекунского учреждения, и будет выяснение объективных условий жизни, возможных для малолетнего у матери и воспитателей, определение дальнейшего наилучшего в интересах ребенка содержания и воспитания у того или другого из них и защита на суде этого выяснившегося положения.

Однако, каковы же на самом деле права самого ребенка, которые должна защищать эта опека, кому же из них, т.-е. интересам дитяти или чувству матери, должно быть отдано предпочтение? Для современного правосознания в этом отношении не может быть вопроса. Чтобы наглядно убедиться, какую коренную перемену вызвала в этом

*) Печатается в дискуссионном порядке. См. № 18 «Еж. Сов. Юст.». Редакция.

вопросе Октябрьская революция и как существенно и действительно раскрепощение детей, произведенное ею, лучше всего убедиться из сопоставления дореволюционной статьи 164 тома X, ч. I, С. 3. и относящихся к ней решений сената и 153 ст. Кодекса об актах гражданского состояния. X том говорит, что «власть родительская простирается на детей обоюбого пола и всякого возраста», и в самом понятии власти дает ясное представление о том основании, из которого выводятся родительские права; при этом понятно категорическое разъяснение, данное сенатом в решении 1876 года № 199: «родители в силу принадлежащей им власти вправе требовать возвращения к себе детей от всякого лица, удерживающего их у себя вопреки воли родителей», и далее в позднейшем решении 1897 года № 81.

«Лучшие условия, предоставляемые посторонним лицом для воспитания и образования чужого ребенка и недостижимые для родителей его, не могут служить законным основанием ни к прекращению, ни к ограничению родительских прав. Самовольное удержание посторонним лицом чужого ребенка и те неудобства, которые могут возникнуть для него от усвоенной им за это время привычки к лучшей житейской обстановке, не могут составить основания к лишению или ограничению родительских прав неповинных в том родителей. Нельзя найти оправдания тому, чтобы произвол постороннего лица мог обессилить отношение родителей к детям, признанным положительным законом согласно с естественным и нравственным чувством. Ни доброе расположение к чужому ребенку, ни заботы о его воспитании и образовании, ни принимаемые меры к обеспечению его будущности не уполномочивают постороннее лицо, помимо велений закона, вторгаться в сферу родительских прав. Суд не вправе во имя интересов ребенка освящать своим решением отторжения ребенка от его естественной семьи при отсутствии причин, предусмотренных в законе».

В соответствии с этим профессор Загорский пишет: «Вопрос о праве родителей требовать к себе детей от посторонних, даже в том случае, если можно доказать, что сообразнее с выгодами дитяти было бы оставление его у чужих,—должен быть решен категорически и в положительном смысле, не принаравливаясь к обстоятельствам случая, так как закон тоже категоричен и так как отклонение от него поколебали бы нравственную силу родительской власти». («Отн. между род. и дет.». Журнал Мин. Юстиции, 1902 год, № 1).

Так смотрело дореволюционное право, неся в себе отголоски еще более ранних исторических переживаний, когда самая жизнь ребенка была отдана на произвол отца. Мы имели здесь родителей, облеченных властью, и детей, как объект властвования, самая польза и интересы которых приносились в жертву категорическим требованиям этой власти, подлежащим безусловному удовлетворению в силу своей власти, как источника права.

От этой власти ничего не осталось к моменту революции и ребенок полностью и безвозвратно раскрепощен от его ига: на место власти родительской в основание взаимоотношений детей и родителей встали интересы ребенка, которым ро-

дительские чувства должны подчиниться. Действующий Кодекс об актах гражданского состояния так разрешает вопрос: родительские права осуществляются **исключительно** в интересах детей и под этим углом зрения должны быть рассматриваемы все последующие постановления этой главы «о правах и обязанностях детей и родителей». Таким образом, рождение ребенка порождает для родителей в сущности не права, а обязанности по отношению к нему, и права родителей должны быть понимаемы лишь, как право на защиту ребенка в отношении третьих лиц; действительно, последующие статьи 154—156 перечисляют ряд таких обязанностей, откуда необходимо вывести заключение, что из одного факта рождения и материнского чувства нельзя вывести безусловного и исключительного права на истребование ребенка при каких бы то ни было условиях, а необходимо доказать, что интересы последнего выигрывают от возвращения его родителям. Это положение приобретает особенное значение в тех случаях, когда родители сами, по собственной инициативе и добровольно (хотя бы и под давлением материальных условий), нарушили указанную выше ст. 156 Кодекса обязанность держать детей при себе и передали их на воспитание. Согласно ст. 157 тогда отпадает наличность неправомерного удержания ребенка воспитателями и для возвращения безусловно необходимо доказать, что оно будет на пользу ребенку, при чем необходимо учесть то обстоятельство, что при более или менее долговременном пребывании детей, особенно в таком нежном возрасте, в семье, его воспитывающей, у него устанавливается с нею такая спайка и привязанность, ломка которой при возвращении к кровным родителям не может не быть болезненной, и, напротив того, в ранние детские годы быстро теряется память и представление о матери, отдавшей младенца в другую семью, и она для него является как бы чужим человеком. Следует особенно отметить принципиальную разницу правотворящих моментов: до революции—безусловная власть родителей, после революции—интересы ребенка и условное право истребования ребенка от незаконно удерживающего.

Итак, окончательно критерием для решения о том, подлежит ли возвращению в семью родителей ребенок, закономерно отданный на воспитание в другую семью, когда он пробыл там достаточно продолжительное время, когда налицо органическая связь ребенка с этой новой семьей, должна служить не власть и воля родительская, а внимательное и всестороннее обсуждение интересов ребенка во всей их широте.

Необходимо рассмотреть еще одно возражение против предлагаемого решения вопроса: оно выдвигает положение, что мать не может быть лишена права на получение ребенка, если она не лишена родительских прав по суду в порядке ст. 146 Кодекса. Нам представляется это положение необоснованным. Лишение родительской власти предполагает порочащие родителя поступки и качества, о которых, по большей части, не может быть и речи в делах подобного рода, ибо ничего порочащего по отношению детей родители не допускают и нет никаких оснований к преграждению родителям возможности пользоваться пра-

вом свидания с детьми наблюдения за их воспитанием, развитием их жизни, защиты во всех возможных случаях и, вообще, всяческой им помощи и содействия, поскольку это в их интересах, с единственным ограничением возможности лишить детей тех преимуществ, какие выпали на их долю хотя бы и случайно, вследствие установившейся связи с воспитателями. Лишение родительских прав не должно иметь места, чтобы не парализовать незаслуженно права родителей на получение алиментов от детей в случае нужды и негражданинности. Наконец, за родителями же должно быть сохранено право при всякой перемене личных и имущественных условий жизни воспитателей и своей снова поднимать вопрос о возвращении детей, ибо то, что сегодня при данном положении сторон было в интересах детей оставить их у воспитателей, завтра может с изменением этого положения измениться в сторону их изъятия.

Казалось бы, что здоровая родительская любовь должна согласиться с такой постановкой вопроса, но велик фетиш слепого материнского чувства, которое не хочет примириться с тем, что ребенок, хотя и в чужих руках, но в лучших условиях

для его жизни, здоровья, развития, и кричит: «подай мне моего ребенка, я его выносила и выкармила», и не сознает, что самая эта материнская любовь не более как завершение инстинктивного стремления к продолжению рода, необходимое для поднятия молодого поколения и имеющее смысл только как наибольшая гарантия для его охраны и возвращения.

Задача судьи в подобных делах в том, чтобы, не увлекаясь мишурным блеском материального благополучия одной стороны и не поддаваясь слезам наболевшего материнского сердца другой стороны, добросовестно и спокойно определить и оставить ребенка там, где имеются наиболее благоприятные условия для его физического и духовного развития и для создания здоровой и свободной личности. Там, где случай или то или иное жизненное сочетание уже создали известные взаимоотношения, благоприятные для развития ребенка, разрушение этих отношений не может быть допущено ради удовлетворения даже самого высокого и бескорыстного, но все же эгоистического в своем существе, слепого материнского чувства.

Григ. Рынзюнский.

Голод, НЭП и движение уголовных и гражданских дел в народных судах.

Взаимоотношение числа уголовных, гражданских и бракоразводных дел в общем числе дел, поступивших в народные суды до 2-го полугодия 1921 года, представляло ту особенность, что процент уголовных дел постепенно увеличивался, относительное число гражданских дел сокращалось, иски о разводе колебались приблизительно на одном уровне. Со второй половины 1921 года характер изменения в составе поступлений в народные суды радикально переменялся, как видно уже из относительных чисел по полугодиям с 1919 по 1921 год включительно.

Из 100 поступивших в народ суд дел было:

	1919 г.		1920 г.		1921 г.	
	I полугод.	II полугод.	I полугод.	II полугод.	I полугод.	II полугод.
Уголовн.	62	72	74	77	75	71
Гражданск.	29	22	18	16	16	22
Бракоразв.	9	6	8	7	9	7

Максимум процентного отношения уголовных дел, при минимуме гражданских, был достигнут уже во 2-м полугодии 1920 года. В первом полугодии 1921 года было колебание, которое не представляло характерным: процент уголовных дел несколько сократился (в пользу бракоразводных процессов), но гражданские дела остались на минимальном уровне. Зато во 2-е полугодие 1921 года уголовные дела решительно понизились до уровня 1919 года, а гражданские — поднялись до того же уровня. Гораздо рельефнее выступает это различие, если рассмотреть движение поступлений по четвертям года, прихватив для сравнения и 1-ю четверть 1922 года.

Из 100 поступивших дел было:

	1921 г.				1922 г.
	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.	I четв.
Уголовн.	74	75	74	70	65
Гражданск.	17	16	19	23	28
Бракоразв.	9	9	7	7	7

Главные изменения в составе поступлений произошли в 4-ю четверть 1921 года и в 1-ю четверть 1922 года, когда процесс усиленного поступления гражданских дел заметно обострился. Если сравнить 1-ю четверть 1921 года и 1-ю четверть 1922 года в пределах одной и той же территории, то оказывается, что число уголовных дел за истекший год увеличилось только на 10%, число гражданских дел возросло на 129%, т.е. более чем удвоилось (с 54.184 до 103.380), а число бракоразводных дел даже уменьшилось на 11%. Интересно выделить те губернии, в которых процент гражданских дел удвоился в 1-ю четверть 1922 г. по сравнению с 1-ю четвертью 1921 года, т.е. выросло в 2 раза не только абсолютное, но и относительное количество гражданских исков. Эти губернии показаны в следующей таблице.

Из 100 поступивших дел гражданских было:

Губернии.	1921 г.				1922 г.
	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.	I четв.
Ив. Вознес.	15	14	20	25	34
Куб.-Черн.	19	20	27	31	43
г. Москв.	6	6	8	11	29
г. Петрогр.	6	6	7	17	31
Саратовск.	16	16	21	27	33

В особенности замечателен рост относительного и абсолютного числа гражданских дел в обоих главных городах Республики—Москве и Петрограде. Число уголовных и бракоразводных дел в Москве почти одинаково в 1 чет. 1921 г. (17.440) и в 1 чет. 1922 г. (17.616), а число гражданских дел за последнюю четверть в 7 раз больше (7.488 против 1.041). В Петрограде абсолютное число уголовных и бракоразводных дел даже уменьшилось (8.180 дел против 11.007 за 1-ю четверть 1921 года), а количество гражданских дел увеличилось почти в 5 раз (3.637 против 744 в 1921 году). Эти числа ясно указывают на тесную зависимость предъявления гражданских исков в нарсудах от новой экономической политики. Оживление торговли и промышленности, развитие частной инициативы, вообще, естественно повлекло за собою увеличение числа всякого рода споров и тяжб на почве экономических интересов, за разрешением которых стороны спешат обратиться в народный суд. Больше всего должно было возрасти число таких спорных дел в крупнейших промышленно-торговых центрах, каковы Москва и Петроград, что именно наша статистика и подтверждает. Если и в будущем численность гражданских дел будет расти в той же прогрессии, что за последние три четверти года (1921—22), то уже к концу настоящего года количество гражданских процессов в нарсудах (со включением бракоразводных дел) будет превышать число уголовных дел.

Любопытно, что и в голодающих губерниях обнаруживается аналогичный рост тяжёлых дел, что и в остальной России. Уже из предыдущей таблицы видно, что в Саратовской губернии гражданские дела растут усиленно, больше чем во многих неголодающих губерниях. Но вот общая таблица для неурожайных и остальных губерний. Если числа за 1-ю четверть 1921 года принять за

100, то числа за 1-ю четверть 1922 года будут таковы:

	Голодающ. губернии.	Остальные.
Дела уголовные	107	112
„ гражданские	174	249
„ бракоразв.	92	83

В неголодающих губерниях под'ём гражданских дел, конечно, выше, чем в голодающих, но и прирост уголовных дел в неурожайном районе меньше, чем в благополучных (сравнительно) губерниях. Мы уже раз'ясняли вопрос о движении преступности в голодающих губерниях*). Здесь можно только добавить, что и за 1-ю четверть 1922 года, когда голод должен был достигнуть высокой степени обострения, все же общее число уголовных дел в нарсудах повысилось сравнительно с последней четвертью 1921 года всего на 6% (а против 1-й четверти 1921 года—на 7%, т.-е. тоже очень мало). Число же осужденных за 1-ю четверть 1922 года даже несколько понизилось сравнительно с последними 3 месяцами 1921 года (хотя, конечно, выше, чем за 1-ю четверть 1921 года). В голодающих губерниях преобладают осужденные за имущественные преступления (кражу)—до 53%, но зато очень незначительно число осужденных за преступления против личности (всего 5%) и против порядка управления (21%). В наименее пострадавших от неурожая губерниях (Олонецкой, Северо-Двинской, Новгородской и Калужской) за имущественные преступления за январь—март 1922 год было осуждено всего 10%, за преступления против личности и против порядка управления—65% общего числа.

В заключение можно сказать, что в настоящее время НЭП оказывает большее влияние на движение общего числа дел в нарсудах, чем отходящий в область прошлого голод.

Е. Тарновский.

Обзор советского законодательства

за время с 9 по 29 июля 1922 года.

Предстоящий урожай вступает в свои права и в области законодательства. Заблаговременно опубликовываются законодательные акты, нормирующие правоотношения, возникающие в стране, благосостояние которой в значительной мере зависит от результатов урожая; вопросы продналога занимают в этом отношении первое место. Раннее созревание хлебов на южных окраинах РСФСР вызвало издание:

1. **Постановления ВЦИК об изменении срока введения декрета об едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства по Юго-Востоку и Крыму от 10 июля («Изв. ВЦИК» от 13 июля, 154).** Начальный срок применения декрета о едином налоге в Донской области, в областях, губерниях и автономных республиках Кавказа и Крыма назначен на 1-е июля. Установление разрядов урожайности для взимания налога по различным областям и губерниям продолжалось; эти разряды опубликованы в

2. **Постановлении СНК об установлении разрядов урожайности от 25 июля («Изв. ВЦИК» от 26 июля, № 165) и 3. Постановлении СНК об установлении разрядов урожайности от 26 июля («Изв. ВЦИК» от 28 июля, № 168).** Опубликованные разряды относятся к губерниям и областям Европейской России и в большинстве местностей установлены в среднем размере—4 и 5 разряды. Лишь в некоторых губерниях, например, Курской, Орловской, Тамбовской и Уфимской, разряды несколько выше среднего; зато в Астраханской губ., пострадавшей от голода и в предыдущем году, разряд урожайности показан самый низкий—1. Подтверждено, что в местностях, объявленных в 1921 году голодающими, налог взимается в половинном размере против исчисленного по разрядам урожайности.

*) См. „Еженедельник Сов. Юст.“, № 19—20.

Те же условия, а также более усиленный темп законодательной деятельности, вызвали своеобразное издание и опубликование

4. Положения об ответственности за нарушения декрета об едином натуральном налоге и о порядке возбуждения, направления и рассмотрения дел об этих нарушениях от 21 июля («Изв. ВЦИК» от 27 июля, № 166). Напомним, что инструкция СНК 1921 года в значительной части своей заменяется ныне опубликованным постановлением. Изданная в первый год действия натурналогового инструкцией была принята Советом Народных Комиссаров лишь 3 октября и опубликована в «Изв. ВЦИК» только 16 октября. Положение издано более своевременно. В основу квалификации продналоговых правонарушений положены ст.ст. 78—80 и 83 Уголовного Кодекса РСФСР. Отброшено требование инструкции 1921 года о необходимости письменного предупреждения продорганов или сельсоветов для признания наличности неправомерной несдачи налога в установленные сроки. Последние публикуются во всеобщее сведение, размер налога заблаговременно объявляется плательщикам и при таких условиях неплатеж его в срок является преступлением. Предъявление к сдаче недоброкачественных продуктов карается лишь в случае повторности такого предъявления после отказа продоргана в его принятии. Предъявление к сдаче недоброкачественного продукта в первый раз не может свидетельствовать о злой воле налогоплательщика, так как ему действительно могли остаться неизвестными кондиционные условия, устанавливаемые инструкциями Наркомпрода. Совершенно отброшена, как непредусмотренная Уголовным Кодексом, несдача налога вследствие продажи, обмена или сокрытия продуктов. В деле неплатежа налога достаточным для признания наличности преступления является самый факт бездействия—неплатежа, вопреки веления государственной власти. Мотивы же или сопутствующие обстоятельства могут служить лишь основаниями для увеличения или уменьшения меры наказания.

Отличительным признаком Положения 1922 г. сравнительно с инструкцией 1921 года, является включение в него перечня должностных преступлений, тесно связанных с проведением налогокомпаний. Это—преступления, большей частью, агентов продовольственного аппарата, а также должностных лиц волисполкомов и сельсоветов. Состоят они в нерадении, халатности, бездействии власти, а также в сообщении ложных сведений и, вообще, служебных подлогах. В Положении твердо установлена подсудность дел в направлении передачи большинства их в народный суд (по особой или специальной выездной сессии). На народный суд Положением возлагаются большие обязанности. По инструкции 1921 года нарсуд мог действовать лишь при некоторых условиях и с довольно большими ограничениями. Для того, чтобы дело о налоговом правонарушении попало в народный суд, требовалась несдача небольших количеств продуктов и отсутствие признаков злостности, и то направление дела было поставлено в зависимость от усмотрения продовольственных комиссаров.

С изданием Уголовного и Уголовно-Процессуального Кодексов, с установлением твердых норм подсудности дел—порядок направления дел по-

лучил свои определенные, законные основания, и это отразилось также на положении.

Особо выделены случаи разрешения дел в административном порядке.

К ведению трибуналов отнесены дела исключительной важности: массовые неплатежи, массовые сокрытия объектов обложения, наиболее серьезные случаи агитации. Подсудность должностных продналоговых преступлений поставлена в зависимость от элементов корысти или от особо тяжких последствий их. В некоторых случаях положение дополняет соответствующие нормы Кодексов. Так, дела о простейших случаях налоговых правонарушений разрешаются единолично народным судьей (председателем особой или выездной сессии) в порядке судебного приказа. Это—новелла процессуальная. Однако, этим порядком может быть лишь изъято имущество на покрытие налога с начислением пени или наложено иное имущественное взыскание. Наложение взысканий в виде лишения свободы, и принудработ, а также конфискация имущества, может происходить лишь по приговору сессии в полном составе. Изъятие имущества, достаточного для покрытия недобора по налогу с начислением одной лишь пени—наказание *suí generis* (своеобразное), скорее напоминающее бесспорное взыскание фискального характера. Установление его—весьма существенная новелла к Уголовному Кодексу. Ее введение объясняется тем сугубым вниманием к нуждам крестьянства и сельского хозяйства, каким проникнута новейшая фаза экономической политики Рабоче-Крестьянского Правительства. Ее цели в области продовольственной—скорый, своевременный и безболезненный сбор налога, а этой цели можно достигнуть лишь осторожным реагированием на те случаи неплатежа, которые не представляются особенно злостными и опасными с общегосударственной точки зрения. Те же начала проведены и в тех статьях Положения, которые предусматривают порядок конфискации имущества неплательщиков и представляют собою последовательное развитие и объяснение ст. 38 Уголовного Кодекса.

Значительное внимание, уделяемое государственной властью вопросам предстоящего урожая, выразилось в

5. Постановлении СТО от 14 июля («Изв. ВЦИК» от 18 июля, № 158) об учреждении должности особоуполномоченного СТО по реализации урожая компании 1922—1923 гг. Задача, на него возлагаемая,—согласование деятельности госучреждений, предприятий и организаций, ведущих хлебные заготовки.

Сбор продналога требует концентрации на себе внимания всех местных органов. Этим вызвано издание

6. Постановления Президиума ВЦИК от 6 июля («Изв. ВЦИК» от 11 июля, № 152) о прекращении передачи уездов и волостей из одной губернии в другую и всех других работ по перераспределению местных административных единиц до 1 января 1923 года.

Одновременно с нормами, регулирующими вопросы предстоящего урожая текущего года, работа законодательства об интересах сельского хозяйства нашла выражение в ряде законов о ссудных ссудах, играющих большую роль в крестья-

янском хозяйстве Республики, переживающей периодические недороды. В прошлом обзоре мы уже отметили постановление СНК от 24 июня о сложении семенной ссуды 1920 года и об отсрочке взыскания семенных ссуд за 1921 и 1922 гг. в губерниях и областях, признанных голодающими в 1922 году. Подробный перечень их дан в

7. Постановлением СНК о сложении и отсрочке семенных ссуд от 22 июля («Изв. ВЦИК» от 25 июля, № 164).

Неурожай 1921 года захватил не только местности, официально признанные голодающими. Он захватил и другие районы Республики, главным образом, Юго-Востока. В целях облегчения возврата семенной ссуды, выданной населению этих районов, издано

8. Постановление СНК о льготах по возвращению семенных ссуд, выданных земледельческому населению Юго-Востока, от 21 июля («Изв. ВЦИК» от 23 июля, № 163). Источниками семенной ссуды на Юго-Востоке в 1921 году явились местный общепродовольственный фонд и отпущенные СТО четыре миллиона рублей золотом на закупку семян за границей. Суммы, поступающие в погашение ссуд, поступают в особый резервный фонд Республики, состоящий на особом учете. Рассрочка ссуды допускается до 1 января 1924 года и даже (ссуды из местных источников) до 1 января 1925 года. Более подробные детали рассрочки и условия погашения устанавливаются краевым экономическим совещанием.

Общая задолженность населения по государственным семенным ссудам обращена в особый резервный фонд Республики.

9. Постановлением СНК о резервном фонде семенных ссуд от 21 июля («Изв. ВЦИК» от 23 июля, № 163). Взыскание ссуд, хранение фонда и, вообще, заведывание им возложены на Народный Комиссариат Продовольствия. Начисления на ссуды устанавливаются Советом Труда и Оборона и поступают на возмещение расходов по сбору и хранению фонда.

10. Постановлением ВЦИК и СНК о специальном фонде для выдачи семенных ссуд и ссуд на восстановление и расширение крестьянских хозяйств от 21 июля («Изв. ВЦИК» от 23 июля, № 163). Из указанного резервного фонда Республики выделен специальный фонд с упомянутыми задачами в размере 30 миллионов пудов хлеба. В счет этого фонда на озимую посевную кампанию выделяется из первых поступлений по продналогу $13\frac{1}{2}$ миллионов пудов озимых семян. Постановление мотивировано целями восстановления крестьянского хозяйства, разоренного неурожаями, расширения его посевных площадей и в видах дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян. Те же цели положены в основу

11. Постановления СНК о семенных ссудах на ликвидацию последствий голода от 21 июля («Изв. ВЦИК» от 23 июля, № 163). Помимо 7 миллионов пудов из $13\frac{1}{2}$ —миллионного фонда на озимый посев в голодающих губерниях выделяется дополнительный фонд в 5 миллионов пудов за счет процентных отчислений с поступлений продналога. В отличие от основного фонда семсуд, находящегося в распоряжении Наркомзема, дополнительный фонд, в соответствии с его специальными

задачами, используется по плану, утвержденному ЦК Помгел.

Одновременно поручено Госплану разработать план восстановления хозяйства голодного района, рассчитанный на ряд лет.

12. Постановление Президиума ВЦИК от 20 июля о порядке введения в действие в автономных, дружественных и договорных Республиках РСФСР основного закона о трудовом землепользовании и дополнительного к нему закона о порядке рассмотрения земельных дел («Изв. ВЦИК» от 25 июля, № 164). ЦИК и СНК автономных, дружественных и договорных республик разрабатывают проекты вызываемых местными условиями изменений в основном законе о трудовом землепользовании и через Федеральный Комитет по земельным делам представляют их на утверждение Президиума ВЦИК. Одновременно проводятся в жизнь мероприятия, соответствующие основному закону, и отменяются мероприятия, ему противоречащие. Закон о порядке рассмотрения земельных споров вводится в действие немедленно.

Регулированию вопросов переселения и расселения посвящены:

13. Декрет ВЦИК и СНК от 20 июля и льготах для переселенцев и расселенцев («Изв. ВЦИК» от 25 июля, № 164). Переселенцы и расселенцы, водворяющиеся на лесных местах, требующих корчевки, освобождаются от натурального и трудгужевого налогов в течение шести лет,—поселившиеся в лесостепных и степных районах, требующих разработки целины, освобождаются от тех же налогов в течение трех лет, а водворяемые в уже существующих селениях или в поселках, образовавшихся путем расселения на обжитых землях,—в течение одного года. Первые две категории, кроме того, получают отсрочку явки к очередным призывам по воинской повинности в течение трех лет. Удостоверение всех обстоятельств, являющихся основаниями для предоставления перечисленных льгот, а также распределение переселенцев и расселенцев по категориям, возлагается на уисполкомы. Действие декрета распространяется на все автономные области и дружественные и союзные (по обычной терминологии договорные) республики.

14. Декрет ВЦИК и СНК от 14 июля о переселении в 1922 году («Изв. ВЦИК» от 16 июля, № 156). Во внимание к современным условиям переселения: отсутствию свободного земельного фонда, невозможности снабжения новоселов, а также состоянию транспорта, воспрещается новое ходячество и переселение в 1922 году. Действие декрета не распространяется на переселенческие перевозки, разрешенные предыдущими постановлениями ВЦИК и СНК, а также на возвращение на родину населения голодающих местностей.

Одно из первых мест в текущем законодательстве занимали вопросы финансовые, главным образом, налоговые.

15. Положение о взимании налогов и сборов от 17 июля («Изв. ВЦИК» от 21 июля, № 161). Положение регулирует вопрос, являющийся существенным пробелом в действующем законодательстве; по введении в действие новых налогов с восстановлением налогового аппарата самый порядок понудительного взимания налогов, в срок не внесенных, оставался неурегулированным. Поло-

жение устанавливает, во-первых, принцип бесспорности взыскания недоимок по налогу; во-вторых, взыскание недоимок возлагается на органы взимания, т. е., на городских и волостных финансовых агентов и на волысполкомы. Финансовые агенты и волысполкомы руководствуются указаниями уфинотделов и пользуются содействием сельсоветов. Невнесенный в срок оклад налога зачисляется в недоимку с начислением штрафа, размер коего определяется губернскими экономическими собраниями в пределах до 25 проц. оклада за каждые 15 дней просрочки. Мерами понудительного взыскания служат: а) обращение взыскания на суммы, следующие к получению недоимщиками от третьих лиц, в том числе и от советских учреждений, а также на суммы, находящиеся на текущих счетах в кредитных учреждениях—каждый раз по постановлению суда; б) опись и продажа движимого имущества и городских строений—по постановлению финотдела. Изъятые от описи и ареста: необходимое носильное платье, белье, обувь и предметы домашнего обихода, запасы продовольствия и топлива на шесть месяцев, орудия производства и инструменты профессиональных занятий, ремесла и мелкого или кустарного промыслов, не служащие для эксплуатации трудящихся, земельнохозяйственные орудия, необходимые для поддержания хозяйства, живой инвентарь, семена для предстоящего посева и неснятый урожай. Подробности регулируются губисполкомами. Уклонение от сообщения органам взимания налогов сведений о следуемых недоимщику суммах и дача ложных сведений караются штрафом не свыше размера недоимки по приговору нарсуда. Должностные лица, независимо от уголовной ответственности, подлежат начету в размере понесенных государством убытков. Жалобы на неправильные действия по взиманию налогов приносятся в местный исполком.

Надо полагать, что исполкомами могут разрешаться жалобы лишь в порядке дисциплинарном и что при этом не исключена уголовная

ответственность должностных лиц в случаях, предусмотренных подлежащими статьями Уголовного Кодекса. Засим возникает вопрос о порядке наложения штрафов народным судом на лиц, уклонившихся от дачи сведений о находящихся у них суммах недоимщиков. Очевидно, это порядок уголовного судопроизводства; в таком случае, мы имеем пред собою новеллу к Уголовному Кодексу, содержащую как признаки уголовного правонарушения, так и санкцию. Также требует дальнейшей разработки и уточнения вопрос о порядке обращения взыскания на суммы, следующие от третьих лиц, по постановлениям подлежащего суда. Есть ли это случай, предусмотренный п. 2 ст. 79 Уголовного Кодекса?

Расстроенное народное хозяйство Республики лишь постепенно возрождается и требуется поэтому определенная эластичность действий налогового аппарата в деле взимания налогов. Необходимо в определенных случаях предоставить плательщикам возможность отсрочки, рассрочки и даже сложения налогов. Этому требованию удовлетворяет

16. Декрет ВЦИК и СНК об отсрочке, рассрочке и сложении государственных налоговых сборов и возврате сумм, неправильно поступивших в казну, от 20 июля («Изв. ВЦИК» от 26 июля, № 165). Отсрочка и рассрочка налогов и сборов на срок не более полугодия предоставляется губфинотделам. Губфинотделы имеют право, с утверждения губисполкомов, слагать налоги и недоимки, безнадежные, неправильно числящиеся и по ходатайствам плательщиков, на сумму до 15.000 рублей. Неправильно поступившие суммы до 20.000 руб. возвращаются губфинотделами. Те же действия на большие суммы совершаются губфинотделами лишь с разрешения Наркомфина. На возврат неправильно поступивших сумм устанавливается годичная давность.

(Продолжение следует).

М. Брагинский.

Правые эс-эры перед судом пролетариата.

(Из залы суда).

Государственное обвинение.

Государственный обвинитель тов. Луначарский блестяще анализирует политическую сущность партии с.-р. с марксистской точки зрения.

Партия эс-эров—партия мелко-буржуазная. Положительная роль выпадает на долю такой партии в первый период революции.

Как только, однако, пролетариат оформляется и выступает на сцену, как революционная сила, мелко-буржуазная партия, как сочетание разнородных политических единиц, становится на пути революционно шествующему рабочему классу, превращается в партию контр-революционную.

Таковы же и этапы деятельности партии эс-эров. Партия с.-р., задавалась целью овладения пролетарским организмом и тем самым обанализовала его по-

бедное движение по пути социальной революции. Из революционной партия эс-эров, таким образом, превращалась в контр-революционную.

Остаться революционной—для партии с.-р. значило бы или «подать в отставку», или примкнуть к пролетариату. Эс-эры не сделали ни того, ни другого.

Объединение разнородных элементов, не могущих подчиниться единой руководящей силе, является источником внутренней разнородности, ибо входящие в состав партии социальные группировки действуют по-разному. ЦК партии умело использовал свою собственную разнородность, играя постоянно в разных направлениях и для различных целей своими крыльями. Отсюда—двурушничество, фразерство и политиканство.

Понятию «класс» противопоставлялось понятие «народ». Не борьба классов, а борьба народа с угне-

тателями—вот идеология мелко-буржуазной эс-эровской партии. Такова ее тактика в феврале 1917 г., такова же она и теперь.

Классовое расщепление, однако, в октябре 1917 г. привело к тому, что рабочий класс перескочил через чистую демократию, — через партию эс-эров. Классовая борьба превратилась в гражданскую войну. Отсутствие у одной из сторон (эс-эров) реальных сил заставило последнюю прибегнуть к террору.

Тактика руководящих верхов партии — тактика шатаний. В результате, на практике, социализм становится жертвой черносотенных идей. Партия широко раскинулась своими крыльями от крупной буржуазии до небольшой части обманываемого крестьянства и рабочего класса. Правое крыло играло роль политической косметики для самых черносотенных течений. Реакция подкрашивалась эс-эровскими красками. Когда необходимость косметики оказывалась ненужной, реакция смывала с себя эс-эровские краски и выбрасывала самих эс-эров. Так было положительно повсюду, где только эс-эры вступали в коалицию с реакцией?

Эс-эры фактически никогда не были крестьянской партией. Недаром, ведь, Тимофеев признался, что его партия не сумела организовать крестьянские массы даже в тот момент, когда, по его словам, вся Россия была против большевиков. Силы крестьянства, напротив, были использованы полностью большевиками. Из крестьянской массы пролетариат создал свою армию, разбившую врагов Республики, — в том числе и эс-эров, — и то же крестьянство было целиком использовано на экономическом фронте.

Эс-эры пользовались двумя другими силами в борьбе с советской властью. Союзники, с одной стороны, и черносотенное офицерство, с другой. Несмотря, однако, на усердия эс-эров, союзники ими пренебрегали, предпочитая непосредственные сношения с Колчаком, Деникиным и др. правителями.

Ход событий был таков, что эс-эры скатились как в отношении союзников, так и в отношении реакционного офицерства до роли услужающих и стали орудием в руках тех и других против рабочих и крестьян России. Такова роль эс-эров в Сибири, в Архангельске и особенно в Самаре. Самара — блестящее подтверждение полного бессилия комитета членов (сиплошь эс-эровского) учредительного собрания. Политическая власть здесь, как и повсюду, оказывалась в руках махровых генералов. Почему это так?

Эс-эры — рыхлая интеллигентская партия, неспособная ни к какой органической работе, не имевшая под собой никакой реальной почвы.

Заявления отдельных членов партии на суде показывают, что эс-эры отнюдь не собираются вступить на путь примирения с советской властью. Не политика примирения, а политика борьбы всеми средствами — вот вывод из процесса.

Эс-эровская политика сегодняшнего дня — это наносить вред в восстановлении нашего хозяйства. Трибунал должен положить предел этим искусственным операциям на молодом и неокрепшем советском организме. Партию эс-эров необходимо обезвредить и с фронта, и с тыла, и с флангов. «Пусть разлагающийся труп ее не обезвреживает дальше политической атмосферы» — заканчивает свою речь т. Луначарский.

Государственный обвинитель т. Покровский в исторически выдержанной речи дает анализ классовой сущности партии эс-эров.

Земельная политика партии с.р. приводит к возможности преследования земельных комитетов. Более того, помещики толкают власть на признание старых юридических норм. Моральная поддержка комитетов со стороны населения становится недостаточной. Население приходит к мысли о необходимости активной защиты земельных комитетов. Население готовится к походу на эс-эровское правительство. Вместо отобрания помещичьих земель правительство Керенского организует временный земельный фонд для удовлетворения малоземельных крестьян. Однако, этот фонд составлялся таким образом, что эс-эры до сих пор не любят, когда им напоминают о нем.

Было очевидно, что народные массы не могут поддерживать временное правительство во главе с с.р. за его земельную политику. Эс-эры и сами это понимали, почему и искали помощь в июльские дни на фронте. Когда же и фронт изменил свое отношение к правительству, последнему не оставалось другого выхода, как укрыться за юнкерские и казацкие части.

Политика эс-эров, лишенная какого бы то ни было оттенка классовой политики, привела к союзу с офицерством, а затем и с буржуазией. Даже сношения с союзниками — ни что иное, как фиговый листок для подлинного союза с эмигрировавшей заграницу экспропрированной буржуазией.

Как добралась до власти партия эс-эров в Самаре? Рабочий и крестьянин не пошли за эс-эрами. Только при помощи чехо-словаков возникла власть учредилки в Самаре. Заводчики и промышленники, биржевики и банкиры организовывали финансы лице финансового комитета. Сейчас же возник вопрос о восстановлении прав частных владельцев. Далее. Осимные посева 1918 г. были предоставлены нетрудовым посевицам. Крестьяне могли занимать пустующие земли за плату. Духовенство также потянулось за фабрикантами и помещиками.

Правительство Комуча было буржуазным. Самарская власть могла быть только враждебной народным массам. Так оно вскоре и оказалось. Поход предпринимателей, аресты, расправа, погромная агитация, недопуск подлинно рабочей прессы, отказ от дач объяснений об арестах рабочих, наконец, установление специального надзора за печатью — все это расцвело пышным цветком в царстве эс-эров.

И так везде. Там, где нельзя применить вооруженную борьбу, эс-эры применяют террор, наносят удары бесподтишка, взрывают Советскую Республику изнутри. Всюду вместе с буржуазной реакцией.

С тех пор, как партия эс-эров связала себя с реакцией, — с этих пор партия потеряла всякое право на название революционной партии. Что в ней нет социализма, это вынуждены были признать и сами обвиняемые. Они не раз заявляли на процессе, что считали нецелесообразной социалистическую политику, почему ее и не проводили.

Итак, партия эс-эров — партия буржуазной реакции. Она не есть даже признанный самой буржуазией вождь ее. Она лишь наемный кондотьер, наемный убийца. Социалистической она никогда не была, революционной перестала быть в 1917 году. Ныне она — партия буржуазных заговорщиков.

Т. Муна выступает обвинителем от имени III Интернационала и от коммунистической партии Чехо-Словакии. Он подробно разбирает причины выступления чехо-словаков и приходит к выводу, что оно было спровоцировано эс-эрами, ибо со стороны советской власти к чехо-словакам было лишь неизменно дружеское отношение. С другой стороны, эс-эры определенно и систематически оказывали влияние на чехо-словаков, рисуя в самом неблагоприятном свете взгляды и намерения советской власти в отношении доставки их на родину.

Ставка эс-эров оказалась «удачной». Легионеры были обмануты и втянуты в борьбу. Партия с.-р. при помощи чехо-словаков явилась ядром, вокруг которого группировалась вся русская контр-революция. Партия с.-р. несет полную ответственность за кровь рабочих и крестьян, за кровь красноармейцев, пролитую на всех фронтах гражданской войны. Социал-патриоты Запада воспользовались выступлением с.-р., тормозя развитие всемирной революции. Буржуазии, в свою очередь, удалось выиграть время для закрепления расшатанных войной устоев капиталистического строя. Партия эс-эров вырыла сама себе могилу. Международный пролетариат столкнул ее в эту могилу и Революционному Трибуналу остается лишь вбить осиновый кол над трупом партии эс-эров.

Представитель венгерской коммунистической партии и III Интернационала т. Бокани в своей обвинительной речи признает, что причиной упорной борьбы эс-эров с советской властью является неверие первых в историческую роль пролетариата в данный момент.

Вина партии с.-р. в том, что в великий исторический момент, когда рабочие и крестьяне России строили свое социалистическое государство, партия творила всякие козни против пролетарского государства. И если молодая Советская Республика еще до сих пор содрогается то в муках голода, то в тисках экономической разрухи,—то в этом в значительнейшей степени повинна партия с.-р.

От имени же III Интернационала страстную обвинительную речь произносит т. Клара Цеткин.

Не в путях и средствах—которыми шли и боролись эс-эры с пролетарским государством—суть. Суть в целях, ради которых все это делалось. В стране, где пролетариат освободился от цепей буржуазии, эс-эры пытались вернуть его от светлого предверья социализма к ночи реакции. Эс-эры выступали, как авангард буржуазных сил. Они оделись в мундиры социалистов, называли себя друзьями пролетариата, тогда как, в действительности, были злейшими врагами его. Подрыв революции в России—колоссальное преступление, ибо эс-эры пытались подорвать веру в торжество социальной революции и этим принесли величайший вред мировому пролетарскому движению.

Ныне всемирная революция своим классовым судом,—защищая интересы большинства от заградившего ему путь ничтожного меньшинства,—судит в Верховном Трибунале капитал и его прислужников.

Горе тем, кто задерживает ход социальной революции!

Эс-эры говорят: «Мы боремся с узурпаторами, захватчиками власти». Но не бывает узурпаторов, которые держали бы власть в своих руках годами, укрепляли бы порядок в стране, создали бы могучую армию, заставили бы считаться со страной все буржуазные государства. Самы эс-эры—пример тому.

Когда они узурпировали власть, опираясь на союзные штйки, они смогли продержаться, в лучшем случае, немногие месяцы.

Должно помнить, что пролетариат может быть или разящим молотом революции, или наковальней, на которой куется благо буржуазии. Пролетариат России выбрал первое и превратил русскую республику в форпост всемирной социальной революции. Верховный Трибунал должен защитить этот форпост всеми средствами.

Большую (на протяжении 3-х заседаний), содержательную речь произносит государственный обвинитель т. Крыленко. Он подробно разбирает все преступления в отношении каждого из подсудимых.

Основным вопросом—начинает т. Крыленко—является вопрос о начале гражданской войны. Если мы взяли буржуазию за горло и сказали, что мы хотим быть господами, значит ли это, что эс-эры должны вступить с нами в гражданскую войну.

По логике эс-эров вышло так, что они должны были выступить на защиту буржуазии и взяться за меч. Действительно, 28—29 октября об'ективная обстановка была такова, что для организации движения против большевиков нужна была какая-либо социалистическая партия. И такая партия нашлась в лице эс-эров. Вот почему в первые дни кровавой гражданской войны эс-эры были в первых рядах тех сил, за которыми шли батальоны буржуазии. Если даже отбросить вопрос, кто именно начал гражданскую войну, признав, что война двух классов неизбежно должна была разгореться, останется факт, что эс-эры оказались в качестве вождей, застрельщиков на стороне буржуазии.

В день открытия учред. собрания готовилась демонстрация. План был таков, что неизбежно должен был вызвать спровоцированное столкновение, им должны были воспользоваться эс-эры и постараться захватить Смольный. Ложь и лицемерие, обман народных масс и товарищей по партии—все это имело место в течение дня 5 января.

Демонстрация не состоялась, ибо в критический момент, когда нужно было действовать, партия, по обычаю, бьет отбой. Далее, из хода подготовки восстания 5 января ярко вырисовывается сваливание эс-эрами инициативы на комитет спасения родины и революции. Здесь—то и кроется характерная черта ЦК партии—прятаться за чужую спину, прикрыться чужой организацией, от ее имени действовать, а после, в случае необходимости держать ютвет, заявить: «мы тут ни при чем».

Политической ясности и прямоты ни капли. Зато двурушничество и фразерство на каждом шагу.

При разоружении Преображенского полка тактика эс-эров все та же—политическая провокация.

Брестский мир. Опять то же двурушничество, та же двойственная политика.

Ход процесса и свидетельские показания дали ясную картину, что от всей эс-эровской шумихи о национальном позоре, о продолжении войны с Германией ничего не остается. Важно было какими бы то ни было средствами свергнуть советскую власть. Отоюда соглашения с союзниками,—моря крови и неисчислимых бедствий—в результате военной конвенции с Францией. Сущность военной конвенции характеризуется лучше всего так: иностранное правительство в чужой стране находит наемных слуг. Оно не хочет само пачкаться в грязных делах и нанимает для этого агентов—эс-эров.

Вся история с чехо-словаками полна лицемерья, так как не может быть сомнения в том, что чехо-словацкие силы партии эс-эров нужно было использовать для восстановления своей власти, — и это было сделано. Ведь, вместо обещанных эс-эрами врагов в лице мадяр и немцев чехо-словаки встретились с русскими рабочими и крестьянами и дрались с ними под командой российских золотопогонников.

Касаясь вопроса о деятельности эс-эров на Украине, т. Крыленко отмечает роль партии с.-р. при заключении сепаратного мира Украины с Германией, когда партия ради блока с националистической радой в целях совместной борьбы с советской властью пошла на мир, много худший Брестского, результатом которого была германская оккупация Украины, мир, в корне противоречивший принципу борьбы с германским империализмом.

Кроме того, постоянные централисты эс-эры на этот раз изменили и этому принципу, допустив возможность сепаратного признания националистических группировок и тем самым разрыва федеральной связи Украины с Россией. Власть слов и фраз возобладали и повела к измене общепролетарскому делу.

Верхи партии, мнившие себя политически зрелыми людьми, которые считали, что только они могут трезво и реально учитывать реальные силы и строить политику партии, на практике были изменниками по отношению к рабочим массам и ввели низы своей партии в трясину оппортунизма.

Какова позиция 9 совета партии? Временный отказ от вооруженной борьбы, но отнюдь не переход к легальной работе в советском государстве.

От вооруженной борьбы эс-эры перешли к борьбе политической, конечной целью которой попрежнему стояло свержение советской власти.

Перемена тактики при одной и той же цели — и только. О приемлемости советской системы, советской власти не было и речи. ЦК партии в то время, считаясь с отсутствием реальных сил, признал необходимым отказаться от борьбы на два фронта. Ну, а если реальные силы будут? — Борьба возобновится.

В порядок дня ставится вопрос о собирании и накоплении сил. Характерно, что к тактике собирания и организации сил эс-эры всегда переходят после того, как они бывают биты. А это «собирание и организация сил» значило: эс-эры вызывают движение, восстание, а сами остаются в стороне.

У 9 совета партии не было ни политической откровенности, ни политической честности. 9 совет партии выдвинул новую теорию о «третьей силе». Что это за сила? Крестьянство, которое может применить как к рабочим, так и к буржуазии. Но когда на Кубани и в Сибири были свергнуты реакционные правительства, то эс-эры, стоявшие тут и там во главе движения, передали власть большевистскому режиму. «Третья сила» на сцену не выступила, ибо теория эта — пустой звук.

Что дало судебное следствие в отношении крестьянских союзов? Бесспорно установлено руководство организацией их и работой ЦК партии.

В итоге 9 совета ЦК партии предпринял политическую агитацию в деревне, направленную на свержение советской власти. Завершением такой агитации было образование крестьянских союзов, ставивших своей прямой целью свержение советской власти. Так было в Сибири, где областной комитет смотрел

сквозь пальцы на работу союза, так было и в тамбовщине, где работа велась по предписаниям ЦК. Но и здесь эс-эры держались своей тактики — провокацией политически несознательных элементов населения, ибо в дальнейшем — когда восстание становилось совершившимся фактом — они отрекались от движения. Тамбовское восстание безусловно и целиком ложится виной на эс-эров.

Сентябрьская конференция 1919 г. поставила в порядок дня вооруженное свержение советской власти. Политика 9 совета партии получила свой печальный конец.

В 1921 г. эс-эры провоцируют восстание в Черноморье. В результате зеленые банды ведут бешеную деятельность по подрыву советского хозяйства, ибо исключительно из-за этого вместо миллионов пудов хлеба из Кубани в центр попали лишь десятки тысяч пудов его.

Ответственность за хозяйственную разруху и за продовольственный кризис обрушивается, таким образом, всей своей тяжестью на голову партии с.-р.

Далее т. Крыленко подробно разбирает деятельность «Административного Центра» — детища заграничной делегации эс-эров — с виднейшими партийцами во главе, в особенности, в связи с кронштадтским восстанием. Вся контр-революционность этой деятельности, весь тот неисчислимый политический вред, который принесла работа «Адм. Центра», яркими красками, выпукло выступают и запечатлеваются из речи государственного обвинителя.

Обвиняемые, правда, всячески старались на процессе отгородиться от «Адм. Центра», но прямого категорического отречения от них не было. Следовательно, подсудимые несут в полной мере ответственность за деятельность заграничной делегации партии с.-р.

Дальше, террористическая работа эс-эров. Считать ли установленной причастность к террору ЦК? ЦК знал, во всяком случае, в лице отдельных своих членов, о предполагавшихся покушениях, но не протестовал. Первое покушение на т. Ленина. Несомненно, что члены ЦК знали об организации Коноплевой и Ефимовым покушения, но, несмотря на то, что это имело место вскоре после принятия пленумом ЦК расплывчатой резолюции о несвоевременности террора, никаких предотвратительных мер не принял.

Создание боевого отряда, санкционированное ЦК, влечет за собой ряд актов. Центральное место занимает вторичное покушение на т. Ленина. Из всех данных судебного следствия можно сделать вывод, что ЦК через и в лице Донского был известен намерения Семенова и Каплан, однако, никаких запретительных мер ЦК и на этот раз, как и при покушении на т. Володарского, не принял.

Каплан стреляла в т. Ленина, убежденная в правоте своего дела и подтолкнутая Донским, авторитетным членом ЦК.

Т. Крыленко считает установленным интереснейший факт: отречение ЦК от покушения на т. Ленина состоялось в ту самую ночь (с 5 на 6 сентября), когда боевая группа дежурила на путях Казанск. ж. д. готовясь к покушению на т. Троцкого путем крушения его поезда.

Итак, ЦК должен нести ответственность за всю террористическую работу своего боевого отряда. То же самое и в отношении экспроприации. Непосредственную связь ЦК с этой частью деятельности отряда

приходится считать установленной в полной мере.

Государственный обвинитель детально формулирует далее обвинения, предъявляемые каждому из подсудимых в отдельности. Основным определяющим принципом является установление факта, были ли действия подсудимых направлены на свержение советской власти, на ниспровержение завоеваний Октябрьской революции и власти рабочего класса—и если да, то в таком случае действия подсудимых—преступления контр-революционного характера.

Судебным следствием все эти преступления безусловно и бесповоротно установлены. Налицо все признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 56, 57, 58, 59 и 60 Уголовного Кодекса.

Т. Крыленко подводит виновность каждого из подсудимых под соответствующие статьи Угол. Кодекса и высказывает мнение, что подсудимые 2-й группы (раскаившиеся) могут быть признаны Трибуналом за-

служивающими снисхождения и либо понести наказание в виде заключения со строгой изоляцией, либо же даже в порядке ст. 330 Уг.-Проц. Кодекса совсем могут быть освобождены от наказания.

Какая кара должна обрушиться на головы первой группы подсудимых? Приговор может быть только один: расстрел всех до одного, за все преступления, за всю кровь, за все ужасы, за все страдания, за все лишения, которые в течение 5 лет нам приходилось выносить и которые сознательно причинили Республике эти лица, здесь заявлявшие, что они и впредь не отказываются от того, чтобы все силы направить в дальнейшем на борьбу с нами, с нашей властью. Мы выстрадали право самозащиты и самообороны от наших врагов. «Я требую высшей меры наказания»—закончил свою речь т. Крыленко.

С. 3—цев.

СУД и ЖИЗНЬ.

Как работает народный суд большого района.

(Сокольнический район г. Москвы).

Первой формой организации суда в Сокольническом районе являлись восемь участковых нарсудов, которые в начале 1920 года были реорганизованы в отделения районного суда (чему предварительным условием предшествовал перевод всех участковых судов в одно помещение) с общерайонной подсудностью дел, с наименованием отделений по принципу рассмотрения ими дел: особое отделение—для рассмотрения дел, подлежащих разбору с шестью заседателями, и других крупных и сложных дел; гражданское—для рассмотрения всех гражданских дел в районе, при котором была еще организована специальная часть для производства дел, идущих на прекращение за обнаружением виновных лиц; и, наконец, для рассмотрения всех других уголовных дел шесть уголовных отделений, которые также в порядке очереди являлись дежурными судами. Отделения занимались лишь чисто судебной работой, а вся организационно-административно-хозяйственная сторона работы производилась в организованном дополнительно общем отделении с соответствующими частями (1—общая регистратура; 2—камера хранения вещественных доказательств; 3—финансовая часть; 4—нотариальный стол; 5—экспедиция; 6—личный стол; 7—административно-хозяйственная часть, на которой лежала и вся организационного характера работа, и, наконец, 8—юридическая библиотека).

Каждое судебное отделение являлось самостоятельным и имело отдельную канцелярию с соответствующим штатом технических сотрудников, во главе с народным судьей. Общее отделение работало под руководством ответственного нарсудьи в районе.

С начала 1922 года районный народный суд вновь реорганизовался: все отделения упразднены и слиты в одно целое: организована общая канцелярия, с разделением таковой на целый ряд частей (квалификационную, журнальную, исполнительную, повесточную,

гражданскую, административно-хозяйственную; в которой и личный стол, финансовую, камеру хранения вещественных доказательств, регистратуру, экспедицию, статистический стол, нотариальный стол и, наконец, архив). Части не являются самостоятельными и имеют значение лишь для выполнения той или иной работы, каждая друг друга дополняя в общей канцелярии.

Во главе канцелярии стоит старший секретарь, а в каждой части назначен старший сотрудник, за исключением частей квалификационной, исполнительной и гражданской, во главе которых стоят секретари.

Для рассмотрения дел организованы пять камер (пять зал заседаний): 1 и 2 уголовные, дежурная, гражданская и особая сессия, в которых судьи рассматривают дела в установленном (очередном) порядке. Во главе всего районного суда стоит коллегия судей, которая из своей среды выделяет председателя коллегии для административно-организационной работы и общего руководства всей судебной работой.

Все дела и бумаги, направляемые в суд, принимаются общей регистратурой, которая передает таковые в соответствующие части канцелярии суда по установленному порядку. Дознания, отчитываются, квалифицируются секретарями-квалификаторами, которые по прочтении дают их в распорядительное заседание суда (распорядительное заседание организовано при общей канцелярии) для соответствующего определения суда или единоличного постановления судьи по ним. Распорядительным заседанием суда разрешаются и все другие вопросы по находящимся уже в производстве суда делам. Исполнение приговоров и других решений суда по уголовным делам производится исполнительной частью канцелярии; в гражданской же части производится безраздельно вся работа по гражданским делам.

Такая форма организации судебного аппарата имеет свои достоинства: гражданам не нужно искать «своего суда», как это имеет место при участковой организации суда.

При прежнем положении 1/3 судов работала сносно там, где были опытные работники, а остальные суды разваливались; получая запуск неразрешенных дел; население оставалось неудовлетворенным, ввиду неопытности того или другого судьи суды теряли авторитет. При первой реорганизации Сокольнического нарсуда (в 1920 году), когда участковые суды были реорганизованы в отделения районного суда, в некоторых камерах участковых судов был обнаружен большой запуск дел, сотни нечитанных протоколов (дознаний), часто арестантских; вещественные доказательства и денежная часть находились в хаотическом состоянии и стоило больших трудов тогда для всех судей и сотрудников, чтобы эти камеры привести в порядок. При последней реорганизации (в 1922 году) в некоторых отделениях с неопытным личным составом также был обнаружен беспорядок с делами (запуск дел, беспорядок в делопроизводстве и т. д.), а поставить в каждое отделение опытных технических сотрудников, за отсутствием таковых, не было возможности, и лишь приходилось прикреплять, в виде совместительства, из других отделений опытных работников, которых было на весь район три—четыре, а остальные неопытные и малолетние.

При теперешнем положении дела, опытные сотрудники руководят всей работой, а неопытные быстро приучаются работать, имея постоянные руководящие указания от опытных сотрудников, и, таким образом, работа идет без дефектов; каждый сотрудник, находясь в той или другой части, специализируется, переводится в другую часть, достигает того же и, наконец, становится опытным работником.

В участке (отделении) судья предоставлен был самому себе: ему никто не укажет, как нужно работать, как можно разрешить то или иное дело; в особенности, это тяжело для вновь поступающих на работу судей, теперь же вновь избранный на должность судья легко может научиться работать между другими судьями, начав свою практику с несложных

дел, что можно сделать сейчас, но чего невозможно было ранее, когда и неопытному судье приходилось браться за разбор сложного дела.

При коллективной работе и ответственности за работу при всяких трудных обстоятельствах (болезнь судьи и проч., когда есть недостаток судей) работа суда не затормозится; она будет выполнена путем увеличения работы наличного состава судей, но, конечно, это может быть сделано при сознательном отношении всех судей района к судебной работе (а несознательных судей и не может быть).

При участковой форме организации суда вместе со сложными уголовными делами рассматриваются и для мелкие и даже гражданские, так что суд, начиная заседание серьезного дела, кончает его делом о каком-нибудь семейном споре (скандале, оскорблении, драке т. п.). Организованная в настоящее время в районе особая камера (особая сессия) для рассмотрения дел с 6 заседателями и других крупных и сложных дел дает возможность правильно и обстоятельно рассмотреть дело и поставить процесс при серьезной обстановке. При чем в особые сессии могут назначаться более опытные судьи, а заседатели—из ударной группы.

Помимо всех вышеуказанных положительных сторон, нарсуд смог получить некоторую экономию в смысле работников, так как удалось из секретарей выделить лиц для ведения протоколов судебных заседаний, что облегчило значительно работу судей, которые помимо ведения протоколов крайне перегружены судебной работой.

Морозов.

От редакции. Произведенная в 1922 году реорганизация народного суда в Сокольническом районе, несомненно, имеет и недостатки. При подборе знающих судебное дело судей каждый из них следил и отвечал бы за свое отделение в полной мере. При существовании же общей канцелярии все ложится на ответственность ст. секретаря и председателя коллегии судей. Возникает затем вопрос, насколько законно такое упразднение самостоятельности народного судьи. Поэтому прежде необходимо проверить результаты, чтобы сказать, что принятая в Москве по районам система организации заслуживает подражания.

Впечатления судьи.

Не критиковать хочу, а просто поделиться тем впечатлением, какое произвел Уголовный Кодекс.

При чтении статей Уг. Кодекса чувствуется его жизненность, отмечено и выражено в нем все, что вызывает текущая жизнь. Наказания распределены вполне рационально и отвечают настроению населения. Особенно отрадно для населения отношение Уг. Кодекса к должностным преступлениям, жестоко караемым. Обращает на себя внимание статья о провозакии взятки. Только в глухой провинции могут оценить Уг. Кодекс в этом отношении. В полной мере ограждены интересы трудового населения и принята во внимание темнота народная. Сохранен и институт условного осуждения. Материал распределен настолько удачно, что даже маленького оглавления, помещенного в конце, вполне достаточно, чтобы

быстро разобраться в нем. Статьи Уг. Кодекса изложены точно, определено и кратко,—словно выточены. Несомненно, Уголовный Кодекс является произведением революционного творческого порыва и стоит наряду с кодексом об актах гражданского состояния, декретом о социализации земли и др. Изучая Уголовный Кодекс с практической стороны, невольно останавливаешься на трех основных видах наказания, предложенных Уг. Кодексом: лишении свободы, принудительных работах без содержания под стражей и штрафе.

Срок лишения свободы увеличен до 10 лет. Этот срок кажется колоссальным в сравнении с теми гомотопическими дозами, какие применялись до этого нарсудами: 3—6 месяцев. Если раньше суду казалось, что, заключая преступника в исправтрудом на

6 месяцев, он почти обрекает его на голодную смерть, то что же скажет судейская совесть теперь, когда нужно будет засадить преступника на долгие годы? С точки зрения целесообразности, разумеется, против сроков, указанных Угол. Кодексом, ничего нельзя возразить, но чтобы судейская совесть была спокойна и чтобы суды не бросились к выходам, указанным 28 и 36 ст. ст. Уг. Кодекса, необходимо принять срочные и действительные меры к улучшению положения заключенных. Перевод мест заключений на принцип самокупаемости не приближает, а удаляет от указанной цели. Государство должно взвалить на свои плечи тяжесть содержания осужденных. Как это сделать—в центре виднее.

Наибольшее внимания заслуживают принудительные работы без содержания под стражей. Несмотря на всю разумность этого вида наказания, соответствия его духу социалистического строя и легкость организации работ для осужденных на таковые без содержания под стражей, они нигде не организованы прочно. В этом главным тормозом является провинциальная инертность: сами мы, без указки центра, пальцем не пошевелим, хотя бы видели в деревнях необработанные земли красноармейцев, размытые овраги, неукрепленные пески, загаженные леса и пр., в городах грязные улицы, разрушенные дома и т. д. Куда ни помотришь, всюду есть работа и всюду можно приладить труд осужденного. А каков этот труд, я имел возможность наблюдать. При моем участии были организованы работы в Мурманском лесничестве. Работы предназначались исключительно для лесных порубщиков, осужденных судом на работы без содержания под стражей, и имели целью исправить

зло, причиненное лесному хозяйству. Они состояли из выкорчевки пней, очистки леса от веток срубленных деревьев, заделки дорог, рвов, посадке и т. д. Была установлена норма выработки для среднего человека и соответственно этому осужденному лесокраду задавался урок, причем ему объявлялось, что свой урок он может выполнить ранее срока—и тогда срок будет считаться оконченным—и что небрежная работа не будет принята. И вот за все время существования этих работ не было ни одного случая, чтобы работы исполнялись неаккуратно или несвоевременно. По заявлению заведующего лесничеством, такая организация дала хорошие результаты для лесного хозяйства и действовала отрезвляюще на лесокрадов; число самовольных порубок сократилось. К сожалению, и этого дела коснулась рука Напа и теперь нередко приходится разрешать, например, такие вопросы,—может ли осужденный на принудительные работы отбывать их у себя дома, или—насти лошадей милиции... Для организации работ никаких средств не потребуется, если они будут организованы в местах жительства осужденных. Принудительная работа—это наказание, а не привилегированный источник заработка. И никакой платы не следует тому, например, горожанину, который, в виде наказания, подметает улицы своего города, или селянину, который у себя же в селе обрабатывает, в виде наказания, землю красноармейца. Центру необходимо разработать схему принудительных работ и предписать власти на местах провести организацию их. Без этого, без бумажки центра, ничего не будет.

К.

Дискуссионная страница по применению Уголовного Кодекса.

Разъяснение к п. «б» 142 ст. Уголовного Кодекса.

Согласно п. «б» 142 ст. Угол. Код. среди квалифицированных случаев убийства, между прочим, отмечен случай убийства лицом, уже отбывшим наказание за весьма тяжкое телесное повреждение.

В разделе же втором 5-й главы «О телесных повреждениях и насилиях над личностью» все телесные повреждения делится на тяжкие, менее тяжкие и легкие, причем повреждениям тяжким и менее тяжким даются соответствующие определения; о весьма тяжких телесных повреждениях ни в этом разделе, ни в других частях Угол. Кодекса ничего не говорится и соответствующего определения этой форме телесных повреждений не дано.

На основании изложенного и руководствуясь соображениями необходимости правильного одностороннего толкования указанного выше п. «б» 142 ст. Угол. Кодекса. Воронежский губюст просит Наркомюст разъяснить, что следует понимать под словами «весьма тяжкое телесное повреждение».

По мнению губюста, в данном случае допущена редакционная ошибка вставкой слова «весьма» и названный пункт, наравне с умышленным убийством, в качестве квалифицирующего обстоятельства должен предусматривать тяжкое телесное повреждение, определенное 149 ст. Угол. Кодекса.

Наркомюст считает толкование губюста правильным.

По каким статьям Угол. Кодекса надлежит привлекать к законной ответственности должностных лиц промкооперации за различного рода отступления от устава и нарушения специальных норм, регулирующих промкооперацию.

В Уголовном Кодексе есть лишь одна статья, а именно 226, относящаяся непосредственно к промкооперации и карающая штрафом председателей кооперативных товариществ за непредставление в установленный срок сведений о ходе работ, их производительности, изменениях в личном составе и пр. согласно установленных центральной и местной властью форм (см. постан. ВЦИК от 25 октября 1921 г., опубл. в «Изв. ВЦИК», № 241, от 27/X—1921 г., и постан. СТО от 7 марта 1922 г., опубл. в «Изв. ВЦИК», № 69, от 27/III—1922 года).

Но из этого умолчания в Уголовном Кодексе отнюдь нельзя выводить заключение, что все остальные нарушения специальных норм о промкооперации не наказуемы—поскольку они по своему составу являются общими с разного рода деяниями, предусмотренными Угол. Кодексом, они и караются по тем же статьям его, если же состав их отличен, то надлежит иметь в виду следующие возможности применения статьи 10 Уголовного Кодекса об аналогии.

Наиболее частыми нарушениями в этой области

является существование так называемых «лжекооперативов», т. е. предприятий, в сущности, одиночных, под управлением одного или нескольких хозяев-предпринимателей, причем остальные члены кооператива являются таковыми лишь по имени, а на самом деле представляют из себя обыкновенных рабочих и служащих, получающих определенное содержание от хозяев, т. е. скрытых наемных рабочих—такое нарушение установленных для промкооперации норм, хотя и не предусмотрено прямо Уголовным Кодексом, но по своей важности и роду преступления наиболее подходит под деяние, указанное в 132 ст. Уголовного Кодекса, каковая статья говорит о нарушении нанIMATEЛЕМ установленных Уг. Кодексом законов о труде и Общим положением о тарифе правил, регулирующих, между прочим, прием и увольнение, и применимо также к нарушениям ими социальных норм об охране труда. Действительно, раз член кооператива является, в сущности, рабочим, то к нему должны быть применимы все правила, установленные как Кодексом законов о труде, так и Общим тарифным положением, а равно и все специальные нормы об охране труда.

По этой же статье возможно привлекать к ответственности и вообще за пользование наемным трудом в основном производстве, вопреки декрета ВЦИК и СНК «О промышленной кооперации» от 7 июля 1922 года («Изв. ВЦИК», № 150, от 12/VII—1921 г.).

Здесь, попутно, необходимо коснуться и того вопроса, какой ответственности должны подлежать учредители подобного кооператива, зарегистрированного подлежащими органами власти, вследствие неверных и ложных сведений, представленных учредителями и рисующих цели, состав и деятельность кооператива совершенно несоответствующими таковым в действительности. К этому случаю наиболее подойдет 92 ст. Угол. Кодекса, предусматривающая заведомо ложный ответ на официальный запрос государственного учреждения или должностного лица, так как всякая регистрация устава неизбежна с запросами, как письменными, так и устными, со стороны надлежащих учреждений и лиц, и всякий такой запрос должен рассматриваться как официальный, т. е. должностной.

Что же касается случаев, когда кооперативы ликвидируются не в том порядке, как это указано в уставе, то из них наказуемы в уголовном порядке случаи,

когда, вопреки статьи 88 «Нормального устава промышленного кооперативного товарищества», при прекращении действий товарищества, капиталы и имущество его, остающееся после удовлетворения всех предъявленных к товариществу претензий, принятых им обязательств и уплаты паевых членских взносов, передаются не на цели, полезные для трудового населения, по определению ликвидационного общего собрания, или же в союзное объединение промысловых кооперативных товариществ, если таковое существует, а, напротив того, под тем или другим благовидным предлогом распределяются между членами кооператива, то таковое деяние может быть подведено под присвоение, предусмотренное 185 и 186 ст. ст. Угол. Кодекса; если же это присвоение сопровождалось каким-либо обманом, то в этих случаях возможно также и применение ст. ст. 137 и 138 Угол. Кодекса (о мошенничестве).

Наконец, что касается торговли промысловых кооперативов чужими изделиями, то таковая торговля может быть рассматривается как деяние, предусмотренное 141 ст. Угол. Кодекса, карающей нарушение правил о торговле теми или другими продуктами или изделиями, но только тогда, когда изданной на сей предмет на основании 14 ст. «Инструкции СНК о порядке открытия и производства всякой торговли и правилах надзора за ней» («Изв. ВЦИК», № 166, 30/VII—1921 г.) особой инструкцией ВСНХ или обязательным постановлением местной власти установлена за подобное нарушение ответственность по суду, если же таковая ответственность не установлена, то преследование возможно лишь в административном порядке при наличии соответствующих обязательных постановлений.

Аналогично с вышеуказанным разрешается и тот случай, когда кооператив, открывая свою деятельность, не регистрируется установленным порядком—кооператив, как незарегистрированный, а потому и не представляющий из себя юридическое лицо, закрывается в административном порядке с привлечением его учредителей по 141 ст. Угол. Кодекса, если нарушение правил об открытии предприятий обязательными постановлениями отнесено к ведению суда, или к ответственности в административном порядке, если за это нарушение в постановлениях определено административное взыскание.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции.

Проект Гражданского Процессуального Кодекса.

От редакции.

Предлагаемый ниже вниманию читателей проект Гражданского Процессуального Кодекса выработан комиссией при 1-м Отделе НКЮ и вносится на окончательное рассмотрение коллегии НКЮ. Просьба ко всем, кто интересуется данным вопросом, присылать в редакцию замечания, заметки, статьи и т. д., чтобы широко продискуссировать содержание настоящего первоначального проекта. Все материалы, поступающие в «Еженедельник», по использовании их будут переданы в коллегию НКЮ.

Часть первая.

Производство исковое.

Глава I.

Общее положение.

Введение.

Ст. 1 Защита и охрана гражданских прав, принадлежащих как частным лицам или их объединениям, так и правительственным учреждениям или государственным предприятиям, подлежит исключительно ведению народного суда.

Ст. 2 Народный суд оказывает защиту и охрану законным правам, обращающихся к нему сторон при

том условии, что они при установлении этих прав действовали добросовестно. Это предполагается во всех случаях, вообще, но может быть опровергнуто в каждом отдельном случае доказательством противного со стороны всех заинтересованных в том лиц.

Ст. 3. Не допускается защита прав, осуществляемых с исключительным и очевидным намерением лишь нанести вред другой стороне.

Ст. 4. Суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной в том стороны. Сторона может во всяком положении дела на суде отказаться от принадлежащих ей прав и судебной их защиты.

Ст. 5. Суд обязан разрешать дела на основании действующих узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства, а также постановлений местных органов власти, изданных в пределах предоставленной им компетенции.

Ст. 6. Суд не может отказать в разрешении дела, ссылаясь на неполноту, неясность, недостаток или противоречие существующих узаконений и распоряжений.

Ст. 7. За недостатком узаконений и распоряжений для решения какого-либо рода дел суд решает их по общему смыслу действующего права и его руководящих принципов.

Ст. 8. Когда в законах нет правил для решения какого-либо рода дел и их нельзя извлечь из общего смысла или руководящих принципов действующего права, суд по ссылке одной из сторон может применять обычай.

Примечание. Сторона, ссылающаяся на обычай, должна доказать его существование и содержание.

Ст. 9. Суд разъясняет обращающимся к нему сторонам их процессуальные права, необходимые формальности и предупреждает о последствиях, связанных с процессуальными действиями или упущением их.

Ст. 10. Стороны обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Всякие злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс, немедленно пресекаются судом и лишают стороны права в дальнейшем пользоваться этими правами.

Ст. 11. За недобросовестное ведение дела, за отказ в исполнении предписаний, постановлений и решений суда, стороны, третьи лица, свидетели, сведущие лица и лица, коим суд давал отдельные предписания в связи с производящимся делом, могут быть, по усмотрению суда, подвергнуты штрафу и принудительным работам в размерах, предусмотренных главой 5-й.

Ст. 12. Договоры и акты, совершенные за границей обсуждаются на основании законов РСФСР и соглашений РСФСР с тем государством, в пределах коего они совершены.

Ст. 13. В случае затруднений применения иностранных законов суд может просить Комиссариат Иностранных Дел войти в сношение с подлежащим иностранным правительством о доставлении заключения по возникшему вопросу.

Ст. 14. Производство ведется на русском языке или на языке большинства населения данной местности. В случаях, когда стороны, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу, суд обязан пригласить переводчиков и ставить заинтересованных лиц в из-

вестность о каждом производимом судом действии через переводчика.

Ст. 15. Гражданский иск об убытках, причиненных преступным деянием, если он не был предъявлен и разрешен при самом разборе дела в уголовном порядке, может быть предъявлен отдельно в порядке производства гражданских дел.

Ст. 16. Установленные приговором уголовного суда обстоятельства, служащие основанием для гражданской ответственности, имеют обязательную силу для суда гражданского, независимо от того, обвинено ли, или оправдано лицо, причинившее другому ущерб своими действиями.

Глава II.

Представительство на суде.

Ст. 17. По делам лиц, ограниченных в силу закона или по суду в праве распоряжения своим имуществом, иски предъявляют и по ним отвечают их законные представители.

Ст. 18. Коллективы (госучреждения, кооперативы, товарищества, общества, союзы и др. объединения) предъявляют иски и отвечают по ним через установленные законом или уставом свои руководящие органы.

Ст. 19. Стороны могут вести дела в суде лично или через своих поверенных.

Ст. 20. Представителями сторон могут быть:

- а) члены коллегии защитников;
- б) близкие родственники стороны;
- в) уполномоченные профсоюзов по всем делам своих членов в области охраны и защиты труда;
- г) руководители и постоянные сотрудники коллективов по делам своего коллектива;
- д) лица, допущенные к представительству по данному делу судом, разбирающим дело.

Ст. 21. Представители сторон должны быть снабжены соответствующими полномочиями, которые даются стороной либо в суде устно с занесением в протокол, либо особой доверенностью, засвидетельствованной в нотариальном порядке.

Ст. 22. Полномочие дает представителю право на совершение всех процессуальных действий, кроме окончания дела миром, передачи спора в третейский суд, признания, отказа полностью или частично от исковых требований, передачи полномочия другому лицу и получения имущества или денег. Указанные права представителя должны быть специально оговорены в полномочии. Спор о подлоге может быть заявлен только по специальному на то по данному делу полномочию.

Ст. 23. Полномочие выдается по делам, предусмотренным ст. 17, законными представителями, а по делам, предусмотренным ст. 18, установленными законом или уставом руководящими органами коллективов.

Ст. 24. Не могут быть представителями сторон: а) лица, не достигшие 18 лет; б) лица, ограниченные в личных и общественных правах по судебному приговору на все время ограничения; в) состоящие под опекой; г) лица, исключенные из коллегии защитников; д) народные судьи, секретари судов и их ближайшие родственники в пределах района того совнарсуда, в ведении которого они находятся.

Глава III.

Подсудность.

Ст. 25. Ведению нарсуда, в составе народного судьи и двух народных заседателей, подлежат все

дела, возникающие из гражданских взаимоотношений, за исключением предусмотренных ст.ст. 27 и 28.

Ст. 26. Народный судья единолично рассматривает:

- а) дела о разводе (ст. 90 Код. зак. об актах гр. сост.);
- б) дела, рассматриваемые в порядке бесспорного производства;
- в) дела, рассматриваемые в порядке охранительного производства;
- г) дела по актам о понудительном исполнении.

Ст. 27. Особые сессии по гражданским делам народного суда рассматривают дела:

- а) по искам, цена коих превышает 100.000 р.;
- б) по искам к госорганам или должностным лицам об убытках, причиненных незаконными или неправильными действиями в административном порядке, а также о возврате неправильно отобранного и отчужденного имущества;
- в) по искам из авторского права;
- г) из права на промышленное изобретение;
- д) из права на товарные, фабричные знаки, модели и фирмы.

Ст. 28. Частным лицам, выступающим в процессе, предоставляется право передавать, по взаимному соглашению, дела, подлежащие ведению особой сессии по гражданским делам, в районный народный суд.

Ст. 29. Иск предъявляется суду, в районе которого ответчик имеет постоянное жительство или постоянное занятие.

Ст. 30. Иски к коллективам предъявляются по месту нахождения руководящего органа, а также по месту нахождения местного органа, если иск вытекает из сделки, заключенной с этим местным органом.

Ст. 31. Иски, возникающие из договоров, в которых означено место исполнения или исполнение которых, по их свойству, может последовать только в определенном месте, могут быть предъявлены местному по исполнению договора суду.

Ст. 32. Выбор между несколькими судами, которым дело подсудно, принадлежит истцу.

Ст. 33. Иски о праве на строение, земельные участки, предприятия, иски об освобождении имущества от описи и продажи, иски к имуществу, оставшемуся после смерти собственника, предъявляются по месту нахождения сего имущества или основной его части.

Глава IV.

Судебные расходы.

Ст. 34. Судебные расходы по ведению дела состояются из:

- а) судебной пошлины;
- б) гербового сбора;
- в) канцелярского сбора;
- г) расходов по производству дела;
- д) возмещения расходов по ведению дела стороне, в пользу которой решено дело.

Ст. 35. С каждого первоначального или встречного искового заявления в народный суд взыскивается судебная пошлина при цене иска, от 1000 руб. до 50.000 руб.—в размере 1%, при цене иска от 50.000 до 500.000 рублей—в размере 2%, при цене иска свыше 500.000—в размере 3% цены иска. С каждой жалобы на решение народного суда взыскивается судебная пошлина в половинном против указанных ставок размере (исчисляемая со спорной по жа-

лобе суммы). Иски ценой менее 1.000 руб. от обложения судебными пошлинами освобождаются.

Ст. 36. Цена иска определяется:

- а) в исках об имуществе—отыскиваемой суммой или стоимостью отыскиваемого имущества;
- б) в исках, состоящих из нескольких самостоятельных исковых требований,—суммой всех отыскиваемых частей или требований;
- в) в исках о срочных выдачах и платежах—совокупностью всех платежей или выдач;
- г) в исках о бессрочных или пожизненных платежах и выдачах—совокупностью платежей и выдач за один год;
- д) в исках о прекращении или продолжении силы арендного договора—суммой арендной платы за 1 год или за оставшийся срок действия договора, если он менее года.

Ст. 37. Цена иска показывается истцом. В случае явного несоответствия указанной цены действительной стоимости отыскиваемого суд окончательно определяет цену иска.

Ст. 38. По искам, не подающимся денежной оценке или по которым оценка представляется затруднительной, размер судебной пошлины определяется судом, но не может быть ниже 500 руб. и выше 5.000 рублей.

Ст. 39. По делам бесспорного производства пошлина взыскивается в размере 500 рублей.

Ст. 40. Госорганы и госпредприятия, не освобожденные от промыслового обложения, должны нести все судебные издержки на общих основаниях. Остальные госорганы уплачивают пошлину в установленном для государственных органов порядке взаимных расчетов.

Ст. 41. Гербовый сбор взыскивается по правилам Устава о герб. сборе.

Ст. 42. За все выдаваемые по просьбе сторон справки, листы, свидетельства, протоколы, и т. п. документы, взыскивается канцелярский сбор в размере 20 руб. с листа.

Ст. 43. За вызванными в суд свидетелями сохраняется право на получение заработной платы по месту службы или работы. Свидетель, желающий получить вознаграждение за отвлечение его от работы, должен об этом заявить суду после допроса. Размер вознаграждения устанавливается судом, но оно не может быть выше средней заработной платы в данной местности. В случае проживания свидетеля вне района данного народного суда ему возмещается и стоимость проезда. Вознаграждение и стоимость проезда взыскиваются немедленно со стороны, просившей о вызове свидетеля.

Ст. 44. Вознаграждение эксперта определяется судом при его вызове.

Ст. 45. Необходимые для вызова сторон, свидетелей и экспертов деньги на расходы по посылке повесток, вознаграждение экспертов, проезд экспертов и суда при местном осмотре вносятся вперед стороной, просившей о вызове или о местном осмотре. В случае вызова или выезда по инициативе суда деньги вносятся вперед поровну обоими сторонами.

Ст. 46. Судебная пошлина, а равно все прочие расходы по делу, понесенные стороной, заявившей правильный иск, подлежат взысканию с ответной стороны пропорционально размеру исковых требований, удовлетворенных решением народного суда. От-

ветчик также имеет право на возмещение своих расходов пропорционально отказанной судом части иска.

Примечание. По делам, по которым истцы были освобождены от уплаты судебной пошлины (ст. 49), последняя взыскивается, в случае удовлетворения иска, по правилам ст.ст. 35 и 46 с ответной стороны в доход государства.

Ст. 47. Расходы, понесенные судом по производству гражданских дел, в частности, по вызову свидетелей и экспертов и уплате вознаграждения за экспертизы, подлежат взысканию со сторон в доход государства пропорционально присужденной и отказанной части иска.

Ст. 48. При заключении мировой сделки судебные издержки подлежат зачету, если нет в мировой сделке специальных по сему предмету соглашений.

Ст. 49. Судебная пошлина не взыскивается: а) по делам о взысканиях всякого рода заработной платы и средств на содержание; б) с лиц, признанных особым постановлением народного суда (на основании представленных и проверенных судом доказательств) не имеющими достаточных средств к уплате судебных пошлин.

Ст. 50. Определение суда об освобождении от взноскошлин или сборов или об отказе в освобождении на основании п. «б» предыдущей статьи обжалованию не подлежит.

Глава V.

Ш т р а ф ы.

Ст. 51. За недобросовестное ведение дела, имевшее своим последствием волокиту и затяжку, штраф са пошлин или сборов или об отказе в освобождении водства превышать 10% цены иска.

В исках, не подлежащих денежной оценке, штраф не может превышать 1.000 руб.

Ст. 52. Если надлежаще вызванный свидетель не явится по вызову без уважительных на то причин, то подвергается денежному штрафу в первый раз от 500 руб. до 2.000 руб., в зависимости от имущественного положения, во второй раз—принудительному приводу и денежному штрафу в двойном размере.

Ст. 53. В случае отказа давать показания по причинам, признанным судом неуважительными, свидетель, подвергается штрафу в размере от 500 руб. до 2.000 руб.

Ст. 54. За недобросовестный отказ от явки или от дачи заключения сведующее лицо подвергается штрафу от 100 руб. до 2.000 рублей.

Ст. 55. За отказ в принятии для передачи по принадлежности извещения суда администрация дома или учреждения, в котором извещаемое лицо имеет жительство или занятие, подвергается штрафу от 100 руб. до 1.000 рублей.

Ст. 56. За недобросовестное неисполнение постановления суда о воспрепятствии в порядке обеспечения иска или доказательств совершить какое-либо действие сторона подвергается штрафу в размере от 100 руб. до 10.000 руб. или принудительным работам на срок до 6-ти месяцев, в зависимости от степени проявленной недобросовестности, ущерба интересам противной стороны и имущественного положения.

Ст. 57. В случае отказа представить находящиеся у них документы, третьи лица, не участвующие

щие в деле, подвергаются штрафу от 500 руб. до 2.000 руб.

Глава VI.

С р о к и.

Ст. 58. Назначение сроков в тех случаях, когда они не установлены законом, производится судом.

Ст. 59. Сроки, законом определенные и назначаемые судом, исчисляются месяцами, неделями и днями.

Ст. 60. Срок, исчисляемый по месяцам, истекает в соответствующее число последнего месяца.

Ст. 61. Если конец срока, исчисляемого по месяцам, приходится в таком месяце, который соответствующего числа не имеет, то он полагается в последний день этого месяца.

Ст. 62. Срок, исчисляемый по неделям, истекает в соответствующий день последней недели.

Ст. 63. Если срок исчисляется днями, то исчисление начинается со дня, следующего за тем, с которого начинается течение срока.

Ст. 64. Когда окончание срока по общему расчету пришлось бы в день не рабочий, то последним днем срока считается первый за тем рабочий день.

Ст. 65. Предельный день срока продолжается до 12 ч. ночи, но если в этот срок надлежало что-либо совершить в суде, где занятия заканчиваются раньше, то срок оканчивается в момент прекращения таковых занятий.

Ст. 66. Срок не считается пропущенным, если жалоба или иная требуемая бумага, сдана до истечения срока на почту.

Ст. 67. С приостановлением производства останавливаются и все текущие, но еще не истекшие по нему сроки.

Ст. 68. Приостановление сроков начинается с того события, вследствие которого приостановлено было производство.

Ст. 69. Сроки, назначенные судом, могут быть по просьбе заинтересованной стороны продлены.

Ст. 70. Сторона, пропустившая установленный законом срок по уважительной причине и не по своей вине, может просить о восстановлении пропущенного срока. Просьба о восстановлении пропущенного срока разрешается судом, в котором должно быть совершено просроченное действие или в который надлежит подать бумагу, с вызовом сторон.

Ст. 71. Одновременно с просьбой о восстановлении срока должно быть совершено то действие или подана та бумага, на совершение или подачу которых заявляется просьба.

Ст. 72. Жалобы на определения суда по просьбам о восстановлении сроков не допускаются.

Ст. 73. Бумаги, поданные по истечении установленных для них законом сроков остаются без рассмотрения.

Глава VII.

Извещение суда и вызов в суд.

Ст. 74. Извещения суда доставляются заказным пакетом с обратной роспиской или чрез рассылных; допускается передача извещений суда через милицию или чрез подлежащий волисполком.

Ст. 75. Все сношения суда с лицами и учреждениями, находящимися за границей Советской Федерации и автономных советских республик производится через Наркоминдел.

Ст. 76. Повестки о вызове в суд должны содержать: а) наименование суда; б) указание места и времени заседания, сторон и дела, по которому производится вызов; в) предложение представить все доказательства по делу, и г) последствия неявки.

Ст. 77. Извещения суда вручаются лично вызываемым лицам. Время вручения извещений отмечается на вручаемом извещении и на подлежащей возврату в суд росписки в получении.

Ст. 78. Извещение суда доставляется подлежащему лицу по адресу, указанному стороной.

Ст. 79. Если должностное лицо, доставляющее извещение, не застанет вызываемого, то вручает извещение кому-нибудь из совместно с ним проживаю-

щих членов семьи, администрации дома или учреждения, в котором извещаемое лицо имеет жительство или постоянное занятие.

Ст. 80. В случае отказа лицом, которому доставляется извещение суда, принять таковое, доставляющий делает об этом отметку на росписке в получении.

Ст. 81. Тяжущиеся обязаны сами уведомлять суд о перемене своего адреса во время производства дела. При отсутствии такового заявления повестка посылается по последнему, известному суду, адресу, по которому вручались повестки, и считается доставленной, хотя бы адресат по этому адресу более не проживал.

(Продолжение следует).

Практика Высшего Судебного Контроля.

I. Суду не принадлежит право признания предприятия национализированным без просьбы хозяйственных органов Республики.

21-го марта 1920 года гр.-не. Рыбкин, Воронин, Бахарев, Петунин и Федичкин арендовали у Никольского сельского общества (Сарат. губ.) водяную мельницу сроком на 6 лет за арендную плату в 45.000 р. в год; означенная арендная плата подлежит изменению в зависимости от цен на рожь; по договору стороны взаимно обязаны к определенным действиям, связанным с условиями технического функционирования мельницы.

Из имеющегося в деле протокола «заседания Никольского общества» от 28-го августа 1921 года видно, что постановлением сего «заседания» их арендаторы Бахарев, Петунин, Воронин и Федичкин «уволены» — «так как мельница ими совершенно доламывается и плотину не прудят... оставить Рыбкина и Евсеева».

14-го сентября 1921 г. гр.-не Рыбкин, Воронин, Бахарев, Петунин и Федичкин обратились к народному суду 3-го участка Сердобского уезда с словесным заявлением, занесенным в протокол, о признании действий Никольского общества незаконными и об оставлении в силе заключенного условия на предусмотренный условием срок.

Вызвав в качестве ответчика председателя Никольского общества, допросив свидетелей в разъяснение вопроса о том, выполнили ли истцы взятые ими на себя обязательства, и произведя местный осмотр, народный суд, в решении от 25-го сентября 1921 года, признал, что истцы условий договора не нарушили, и постановил: 1) признать мельницу достоянием государства и для использования передать в ведение Сердобского усовнархоза; 2) истцов признать арендаторами совместно с гр. Рыбкиным, договор от 21-го марта 1920 года оставить в силе на весь срок, изменив, при этом, некоторые детали в обязанностях истцов по договору, в частности, установив плату в 450.000 рублей в пользу усовнархоза.

Решение это в срок сторонами обжаловано не было, а было опротестовано Сердобским уюстом 5-го января 1922 года в Саратовский совнарсуд. Последний представил этот протест в губотдел юстиции, каковой, вместе с своим заключением об отмене состоявшегося

решения, в порядке ВСК представил дело в НКЮ. Мотивы уюста и губюста к отмене решения сводятся к следующему:

а) иск возбужден по словесному протокольному заявлению, подписанному лишь Ворониным и Бахаревым;

б) иск не доказан, так как в деле имеется лишь копия договора, никем не засвидетельствованная.

в) дело заслушано без вызова ответчика, так как посылка повестки председателю сельского общества и участие его последнего в деле не равносильно вызову и участию самого сельского общества;

г) суд произвольно истолковал иск в пользу истцов и произвольно определил арендную плату в 450.000 рублей;

д) дело не подсудно народному суду на основании декрета СНК, опубликованного в № 285, «Изв. ВЦИК» за 1921 г.;

е) судебное признание мельницы достоянием Республики неправильно, поскольку вопрос этот разрешается советским законодательством.

Обращаясь к рассмотрению приведенных соображений, НКЮ разъясняет:

по п. «а») возбуждение дела на основании словесного заявления, занесенного в протокол народного суда, подписанного лишь двумя из четырех истцов, не имеет существенного значения, поскольку все четыре истца участвовали лично в деле и поскольку их воля к участию в деле была, таким образом, для суда вне сомнения;

по п. «б») поскольку ответная сторона не отрицала содержания изложенного в представленной копии договора, а ссылалась на неисполнение именно тех условий, которые изложены в этом документе, и поскольку она не отрицала самого существования договора, это соображение не имеет значения;

по п. «в») вызов в суд председателя сельского общества по иску, предъявленному к сему обществу, является правильным и соответствующим ст. 56 Положения о Народном Суде, так как сельское общество, являясь коллективом, представляет собою объединение, имеющее самостоятельные права и интересы (не отождествляемые с правами и интересами составляющих его индивидуумов); это объединение имеет свой руководящий орган и исполнительный аппарат. Последним является выборный председатель общества.

Сношение с обществом возможно лишь через его председателя, а посылка повестки на имя председателя есть извещение в требуемой законом форме. Равным образом, участие в разборе дела председателя общества, как его представителя, есть участие через законного представителя;

по п. «г») что касается указания на то, что суд произвольно истолковал иск в пользу ответчиков и произвольно определил арендную плату в 450.000 руб., то по рассмотрении всего производства по делу следует признать правильным лишь последнее указание на произвольное установление арендной платы в 450.000 рублей, каковая расходится с условием и судом не обоснована; указание же на «произвольное истолкование иска в пользу истцов» противоречит данным, имеющимся в деле, о допросе свидетелей, осмотре на месте, причем вывод суда в части решения о признании истцов исполнившими обязательства по договору находится в полном согласии с установленными по делу обстоятельствами;

по п. «д») указание на неподсудность настоящего иска народному суду ссылкой на декрет СНК от 10 декабря 1921 года («Изв. ВЦИК», № 285 за 1921 г.), изданного в развитие и дополнение постановления СНК от 17-го мая 1921 года «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений о мелкой и кустарной промышленности», неправильно, так как приведенный декрет регулирует вопрос о возвращении некоторых категорий предприятий при известных условиях их прежним владельцам, каковой вопрос к настоящему делу не имеет никакого отношения;

по п. «е») обращаясь к той части решения народного суда, коей мельница признана достоянием Республики и передана в ведение усовнархоза, НКЮ разъясняет, что в этой части решения допущено нарушение как декрета СНК от 6 декабря 1921 года (Собр. Узак., № 79, ст. 670), согласно коего все мельницы переданы из ведения ВСНХ в ведение Наркомпрода, так и декрета СНК от 21-го июля 1921 года (Собр. Узак., № 56, ст. 352), согласно коего национализированными мельницами считаются лишь те, которые взяты на учет. В виду того, что по делу установлено, что мельница, принадлежавшая помещику Ливо, при отчуждении его имени на учет земорганам не была принята, а была передана Никольскому сельскому обществу, последнее не могло быть лишено судебным решением своего права. Независимо от сего признание имущества подлежащим переходу тому или иному государственному учреждению, а, тем более, признание государственного учреждения стороной в договоре без привлечения к делу сего учреждения, является существенным нарушением ст. 56 Положения о Народном Суде.

По изложенным соображениям НКЮ определяет: состоявшееся по сему делу решение народного суда 3-го участка Сердобского уезда от 25-го сентября 1921 года отменить и дело передать в народный суд того же уезда по другому участку.

(Определение по гражд. делу № 299—1922 г.)

II. Ответственность жел. дор. за утрату багажа ограничивается ст. 46 Устава рос. жел. дор.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля, рассмотрев дело народного суда 4 уч. г. Вологды по иску гр. Гаусман к управлению Северных ж. д. о вознаграждении за утрату багажа, нашел:

1. Согласно декрета СНК от 7-го июля 1920 года (Собр. Узак., № 55, ст. 238) претензии за утрату и порчу багажа удовлетворяются непосредственно договорой, кроме того, контрагентом пассажира по договору перевозки состоит ж. д., являющаяся самостоятельным советским учреждением, поэтому искивые требования предъявлены к управлению дороги правильно и требование ответчика об обращении иска в НКФ противоречит закону и сущности взаимоотношений сторон.

2. Единственным доводом ответчика против приговора искивой суммы служит ссылка на 45-ю ст. Общего устава рос. ж. д. (Собр. Узак., № 77—1922 г. ст. 362), согласно которой предельной суммой вознаграждения назначается 100.000 рублей за всю утрату или 1.000 рублей за фунт багажа. Ни против факта утраты, ни против действительной стоимости утраченного имущества никаких возражений не имеется.

3. Каждый закон должен быть толкуем, прежде всего, в связи со временем его издания. 2-го сентября 1920 года, когда был издан Общий устав рос. ж. д., предельные суммы, предусмотренные 46-й ст., имели известную ценность, а в настоящее время, при резком падении стоимости денежных знаков, очевидно, что буквальное применение тех же самых ставок, утративших жизненный смысл, не соответствовало бы целям законодателя. Таким образом, размер предельных вознаграждений должен быть сообразен со временем их применения подобно тому, как применение указанной в ст. 9 декрета об отмене наследования предельной стоимости посмертного имущества в 10.000 рублей, разъяснено в постановлении НКЮ от 21-го мая 1919 года (Собр. Узак., № 20, ст. 242), и, следовательно, суд при постановлении решения всякий раз должен учесть разницу в покупательной силе денежных знаков сравнительно с сентябрем 1920 года и принимать предельные цифры 1.000 руб. и 100.000 рублей, указанные в ст. 46-й Общего устава, в таких размерах, какие по их действительной ценности равнозначущи указанным суммам к моменту выплаты денег.

4. Присуждение полностью действительной стоимости утраченного багажа противоречит прямому указанию действовавшего в 1921 году в этом отношении закона, изложенного в ст. 46-й Общего устава, и изменению, введенное по сравнению с прежде существовавшим декретом от 2-го июля 1919 г. (Собр. Узак., № 35, ст. 346) и заключающееся в том, что уничтожен прием багажа с объявленной ценностью, за который в случае утраты ж. д. должна была отвечать в полной мере, следует понимать именно в том смысле, что правительство, по современным условиям железнодорожного транспорта, ограничивает свою ответственность строго предписанными в законе пределами.

5. Исходя из этого же соображения, следует признать, что во всяком случае вознаграждение за утраченный багаж не может превышать его действительной стоимости и в какой-либо степени служить источником неосновательного обогащения; таким образом, если предельные суммы, установленные согласно соображениям, изложенным выше, в п. 4-м сего определения, окажутся превышающими действительную стоимость утраченного имущества, то в действовавшем в то время Общем уставе российский же-

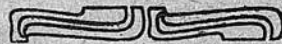
лезных дорог, нельзя найти оправдания к тому, чтобы собственник утраченного багажа удовлетворялся обязательно по установленной механически норме 46-й ст., свыше действительно понесенного ущерба, с допущением обогащения. Однако, поскольку за собственником багажа признано законом право на получение вознаграждения за утрату в определенном, фиксированном в законе предельном размере, обязанность доказать, что этот предел превышает действительное право потерпевшего и что дорога ответственна в низшем размере, лежит на дороге-ответчице, которая по общему правилу о распределении тяжести доказательств должна установить, насколько ниже предельной оценки действительная рыночная стоимость утраченного багажа и, следовательно, насколько меньше предусмотренного в зако-

не вознаграждения она вправе платить по данной перевозке.

6. Таким образом, в конечном выводе, следует прийти к заключению, что за утрату багажа потерпевший вправе получить вознаграждение от железной дороги в размере указанных ст. 46-й Общего устава рос. ж. д. по курсу Госбанка предельных норм, поскольку дорога не доказала, в какой мере действительная стоимость утраченного ниже этих предельных норм.

Решение нарсуда и совнарсуда, поскольку оно противоречит высказанным соображениям, не может быть в силе и поэтому НКЮ определил: обжалуемое решение народного суда отменить и передать дело для нового рассмотрения в другой народный суд гор. Вологды.

(Определение по гр. делу № 454—1921 г.)

ХРОНИКА.

Вопросы юстиции на Всероссийском совещании прокуроров.

Совещанием прокуроров, состоявшимся в Народном Комиссариате Юстиции 25-го июля, заложен фундамент прокуратуры, о функциях и формах организации которой было так много суждений и в III-й сессии ВЦИК, и в печати. Это совещание пролагает дорогу новому институту для закрепления позиций права, выработанного в течение 5-ти летнего периода революции, и недаром Нарком Юстиции тов. Курский в своем слове, обращенном к прокурорам, назвал их первыми застрельщиками в борьбе за законность.

Если сама программа деятельности прокуратуры—надзор за законностью в широком смысле этого слова, в более узком—постоянный контроль за всеми органами следствия и дознания и руководство этой работой—не вызвала никаких сомнений, то те условия и средства, при которых придется проводить эту законность, дали повод собравшимся ответственным работникам юстиции с мест подвергнуть этот вопрос всестороннему обсуждению.

Наивно было бы думать, что достаточно организовать прокуратуру, как все отрицательные явления, вытекающие из несовершенства суда и следствия, сразу исчезнут от одного страха прокурорского глаза.

Совещание не могло не остановиться на вопросе о неудовлетворительности постановки материального положения прокуратуры, что, конечно, очень важно, если поставить себе целью собрать в прокурорском надзоре лучшие силы, имеющиеся в юстиции. Еще более внимательно дебатировался вопрос о необходимости улучшения материального положения народных судов. Вопрос этот сейчас является наиболее важным в связи с переводом на местные средства народных судов, следственных участков и исправдомов.

После той весны расцвета надежд для судебных органов, когда, наконец, казалось, наступило их время,—опять мы замечаем отлив,—

независимо от того, что принципиально разногласий по поводу той большой роли, которую суд играет в данную революционную эпоху, нет,—ибо перевод суда на местные средства на первых порах оказался для него критическим.

Запрет использовать губисполкомам штрафные и иные суммы, проходящие через суды и нотариаты, поставил народный суд на местах в положение органа не самоокупающегося и тут сказалась неизжитая и трудно преодолимая местная точка зрения, что, поскольку суд есть орган с заданиями, выходящими за пределы местных интересов,—учреждение государственное—губисполкомы скупо откликаются на нужды народного суда. Кое-где предлагается нам сократить народные суды чуть ли не до двух на целый уезд и т. д., а преступления, тяжбы всякого рода не уменьшаются.

А в тюрьмах—назовем их так—заключенные за отсутствием тюфяков валяются на полу и мы при всем нашем желании наш принцип «наказания несопряженного с мучительством» провести не можем. Отсутствие средств мешает организации мастерских и т. д.

Прокуратура на самых первых шагах своего существования предъявит требования лучшей работы ко всем органам юстиции, при настоящих условиях катастрофического материального их положения почти неосуществимые, а для того, чтобы создать реальную базу для работы, необходимо все органы юстиции поставить в возможно лучшие материальные условия—это первая предпосылка осуществления законности.

За отсутствием средств следовательно не может выехать на место совершения преступления и следствие затягивается, а, между тем, Уголовно-Процессуальный Кодекс ставит предел времени следственного производства, и т. д. и т. п., а прокуратура обязана за все отвечать.

Судебным работникам—будущим прокурорам—казалось, что выходом из положения могло бы

быть обращение судебных штрафов и сборов на местные нужды и тогда губисполкомы не смотрели бы на народный суд, как на орган, не приносящий дохода, и поэтому было постановлено просить Наркомюст добиваться пересмотра вопроса в Совнаркоме.

Тот мотив, что использование штрафов на местные нужды может действовать на суд в некоторых случаях в нежелательном направлении, создавая импульс для суда при штрафованиях, является не совсем продуманным.

Статья 39 нашего Уголовного Кодекса, говорит, что штраф может налагаться лишь «в соответствии с имущественным положением осужденного», что «замена штрафа лишением свободы и, наоборот, не допускается».

При наличии подобной гарантии в законе от-

падает возможность злоупотреблений на этой почве, если же народные суды усилят репрессию штрафом по отношению к элементам имущим, изблеченным в преступлениях, то от этого последует лишь польза.

Органы юстиции без материальных средств не могут функционировать правильно—результаты от этого получаются отрицательные и для самого государства, и для трудящихся.

Все эти вопросы обсуждались на совещании прокуроров и резолюции были приняты в духе здесь изложенных соображений.

Надо надеяться, что центр прислушается к голосу работников, призванных к непосредственной задаче стоять на страже революционной законности.

Первое открытое общее собрание членов Общества работников советского права.

В круглом зале правления 1-го Московского государственного университета вечером 31-го июля состоялось первое открытое общее собрание членов Общества работников советского права.

Собралось около двухсот человек.

Т. Лисицын, открыв собрание, от имени временного правления Общества сообщает, что общество возникло не сразу, что оно имеет свою краткую историю. В конце 1921 г. здесь, в Москве, организовался кружок юристов-марксистов, где т.т. Гойхбаргом, Крыленко, Черлончакевичем, Славным, Дьяконовым и др. читались доклады, освещавшие разного рода вопросы советского права. Необходимость изучения и пропаганды основ советского права была подчеркнута и съездом работников юстиции гор. Москвы и Московской губернии. Бюро же фракции РКП на последнем московском съезде деятелей юстиции уже решило выработать устав нового общества и определило нахождение такового при Институте советского права.

Учреждено общество 23-го мая; членов учредителей—28; принято еще 25; имеется более 25-ти заявлений о принятии в общество. Временное правление избрано в числе 7-ми человек. Декларация общества опубликована в «Изв. ВЦИК» и в № 21—22 «Еженедельника Советской Юстиции». В декларации этой указаны и цели общества—это систематическая разработка советского права, разъяснение его широким массам трудящихся, приложение его к запросам и потребностям их жизни, улучшение, совершенствование права.

Всякий, кто стремится к осуществлению задач, поставленных новым обществом, кто чувствует себя способным к этому, всякий, кто стоит на платформе рабоче-крестьянской власти, приглашаются в члены общества.

Тов. Эстрин делает доклад об Уголовном Кодексе РСФСР. Разбирая историю нашего Уголовного Кодекса, он считает, что понятие «наказания» только постепенно приняло окончательную формулировку, выраженную в общей части Угол. Кодекса. В настоящий момент мы уже не можем говорить о наказании, как только воспитании; воспитание, исправление преступ-

ника это под силу только будущему, более спокойному, более мирному; теперь же, когда мы живем в государстве, являющемся орудием диктатуры рабочего класса, не всякое наказание, налагаемое судом—орудием государства—может являться только лечением преступника, а и подавлением, воздействием на него. Колебания при выяснении цели наказания отразились и на тех целях, которые ставились перед судом. Тов. Крыленко писал когда-то, что суд—посредник, арбитр, а трибунал—орудие расправы. Эту же мысль в разных вариациях поддерживали и развивали и другие работники советского права. Но так ли это? Можно ли суд рассматривать, как некоего третьего, беспристрастно разбирающего тяжбу между государством и гражданином? Конечно, нет. Теперь для нас всех ясно, что суд есть орудие борьбы, что правосознание может быть только классовым правосознанием и что судья может применять только свою классовую мораль; а потому в настоящее время мы уже не противопоставляем суд трибуналу; в том и другом мы видим только метод одной и той же классовой борьбы. Этот взгляд на суд, как на орудие государства, охраняющее интересы государства от его врагов, и проведен в настоящее время в нашем Уголовном Кодексе, где принципиальной разницы между судом и трибуналом не имеется; отсюда единая судебная система, которая в недалеком будущем имеет завершиться объединением всех судов в нашей Республике в единые губернские суды, возглавляемые Верховным Судом.

Так, постепенно, в течение довольно долгого периода, изживались первоначальные понятия о наказании и целях суда. То же самое происходило и с выработкой и изданием нашего кодекса. В 1918 году некоторые работники говорили, что об издании Угол. Кодекса не может быть и речи, что мы должны ограничиваться пока только записью и собранием судебных прецедентов; потом стали говорить все более и более настойчиво о необходимости кодекса хотя бы без санкций. III съезд деятелей юстиции высказался за необходимость издания кодекса; первый проект кодекса был без санкций; и только изданный

в качестве уже закона является • санкциями. Подход постепенный, органический: всему свое время, «довлеет дневи злоба его». Все это — историческая необходимость, исторически обусловленная необходимость, добавим мы. Нам возражают (профессор Трайнин и др.), что наша предыдущая работа была работой в холостую; что вот теперь, когда разбушевавшаяся река (разумей, революция) вступает в свои берега, становится видимым, что мы неправильно и несправедливо пренебрегли старыми понятиями права и т. п., что мы, в силу необходимости, возвращаемся к старому. Это не так. Конечно, общественный порядок нужен и революции: наша партия не анархическая; но наше право утверждает революцию. Нужно только понимать, что произошло в революции. А произошло то, что на сцену выступил, как власть имущий, как сильнейший, класс рабочих с интересами и задачами, совершенно противоположными интересам и задачам классов, прежде господствовавших. При таком положении нужно было не исправлять старое, а на развалинах старого создать новый кодекс, что мы и сделали. Свою работу мы не считаем законченной; будут улучшения, будут и пополнения; для последней цели мы ввели в кодекс 10-ю ст., допускающую применение наказания по аналогии, и хотя Тагер в журнале «Право и жизнь» говорит, что наличие этой статьи не дает возможности говорить серьезно о нашем кодексе, но мы видим залог развития нашего уголовного права, развития, движимого продолжающейся революцией.

По докладу тов. Эстрина были открыты прения, в коих принимали участие: Исаев, Прушицкий, Войтинский, Нехамкин и Лисицын. Исаев свое внимание остановил, главным образом, на наличии в Уголовном Кодексе РСФСР ст. 10, допускающей аналогию, что противоречит принципу *nulum crimen sine lege*, и указывал, что, с его точки зрения, от этого получится большой вред в деле укрепления правового сознания. Прушицкий возражал, что к вопросу о недопустимости аналогии необходимо подходить не с точки зрения принципиальной, а в зависимости от условий данного момента; нельзя после суда, установившего наказуемость того или иного деяния по своему социалистическому правосознанию, перейти сразу к точной регламентации наказуемых и ненаказуемых деяний. В ст. 10 Угол. Кодекса подрыва революционной законности нет. Противопоставление законности в интересах власти и законности во имя граждан необходимо расшифровать — тут пред нами ни что иное, как проявление классовой борьбы. Следует иметь в виду, что утверждение законности необходимо в интересах центральной государственной вла-

сти (прим., налоговая политика). Законность не рождена НЭП'ом, хотя появились они в одно и то же время. НЭП сумел только в значительной мере повлиять на наше законодательство, но только в пределах тех уступок, которые пришлось сделать в экономической области.

Войтинский, не соглашаясь с Исаевым в его взгляде на вредность наличия в Уголовном Кодексе ст. 10, указывает, что на определенных стадиях общественного развития может оказаться полезным и принцип, проведенный в ст. 10, что пример этому мы видим даже в Америке, где судья часто выносит в судебном приказе наказание за неисполнение решения по гражданскому делу; указывает также на ошибочность взгляда докладчика на некоторую неясность в теоретических правовых взглядах у марксистов.

Нехамкин указывает на ошибочность существующего взгляда, что до Уголовного Кодекса у нас не было уголовного права; право это было; оно существовало в сознании трудящихся; Уголовный Кодекс только подытожил это право, отсюда ясно, что подытожить все право, все то, что жило и живет в правовом сознании народа, мы в своем Кодексе не могли, ибо сознание народа богаче содержания Кодекса; отсюда и необходимость в Кодексе ст. 10 его; через эту статью правовое сознание народа будет постепенно пополнять Кодекс. Примеры, даваемые текущими днями, доказывают это положение. Посредством 10 ст. Кодекса и в дальнейшем мы будем пополнять таковой. Рассуждения о разного рода законности совершенно бесцельны; есть только классовая законность, а раз так, то при борьбе классов, при борьбе, вступившей в полосу революционную, законность может быть только революционная.

Т. Лисицын недоумевает, зачем докладчик старается доказать, что наш Уголовный Кодекс является результатом марксистского подхода к понятиям о преступлении и наказании; если говорить о марксистском подходе к вопросам права, то до издания Уголовного Кодекса подход этот был более выдержан с точки зрения марксистской, чем при издании Кодекса: там преследовалась целесообразность, вызываемая данным моментом, данным случаем, а здесь, в Кодексе, на все случаи жизни указаны непреложные нормы. Не надо забывать, что Угол. Кодекс появился при НЭП'е и влияние этого самого НЭП'а отразилось на нем в значительной степени и отразилось, несомненно, ко вреду Кодекса, изданного рабоче-крестьянской социалистической властью.

Тов. Эстрин всем своим оппонентам подробно возражал. Заседание закончилось около 12 часов ночи.

НА МЕСТАХ.

В связи с изданием нового Уголовного Кодекса Наркомюстом был издан циркуляр (№ 48 от 15-го июня с. г.), предписывающий организацию периодических совещаний судебных работников с целью детального ознакомления с основами Уголовного Кодекса, путем обмена мнений по вопросам уголовного права, встречающим затруднения при применении их на практике.

Так, Воронежским губюстом все ответ-

ственные работники были разбиты по секциям, причем каждая секция вырабатывала по отдельному вопросу — о роли и значении советской юстиции, о прокуратуре, адвокатуре, нотариате и т. п. — соответствующий доклад и тезисы к нему, которые затем заслушивались на совещаниях всех работников юстиции. Некоторые губюсты в этом отношении пошли еще дальше. Так, например, Тамбовским губюстом организован дискуссионный клуб, в различных

секциях которого обсуждаются и разрешаются вопросы пролетарского права и советского законодательства. Следствием работ дискуссионного клуба явилось издание журнала «Вестник пролетарского права и юридических норм», в котором освещаются различные вопросы юридического характера.

Наиболее детальному обсуждению на местах подверглись ст. 140—об изготовлении и хранении спиртных напитков (Северо-Двинский губ.) и ст. 146—о пределах и условиях допустимости аборт (Тула).

При Рязанском губюсте организован кружок коммунистов-работников юстиции по изучению пролетарского права и юридических норм. Работа в кружке ведется в разных направлениях: изучается как теория советского права, вообще, и современного советского права, в частности, так и итоги применения его в судебной практике за годы революции.

В связи с введением Угол. Кодекса почувствовалась также необходимость в большей квалификации судебных работников. С этой целью при губюстах

(Тамбов, Тула, Пенза) открыты краткосрочные курсы, лекторами в которых выступают консультанты и другие опытные специалисты. Слушателями этих курсов являются частью судебные работники, частью служащие различных советских учреждений, а также лица, командированные профсоюзами. В смысле выполнения плана курсы проведены сравнительно успешно, но ввиду слабого подбора курсантов и сложности программы почувствовалась необходимость впредь таковые курсы организовывать на более продолжительный срок.

Кроме того, из некоторых губерний получены сведения об образовании юридических обществ (Петроград, Тула), которые ставят себе целью объединение всех судебных работников на почве совместной разработки различных вопросов советского права. Некоторыми губюстами изданы специальные циркуляры с указанием на необходимость организации юридических обществ и участия сотрудников юстиции в издаваемом Наркомюстом журнале «Еженедельник Советской Юстиции» (Пенза).

ИЗ ПЕЧАТИ.

Введение в действие институтов прокуратуры и адвокатуры ставит на очередь целый ряд вопросов. В печати некоторые из этих вопросов начинают дебатироваться. Сейчас в «Правде» дискусируется вопрос о том, могут ли коммунисты быть членами коллегии защитников.

Тов. Бранденбургский («Правда», № 176) приходит к выводу, что—могут; тов. же Андреас («Правда», № 181) говорит, что—не могут.

«По глубокому убеждению» первого, «достаточно немного подумать, чтобы убедиться, что двух мнений в этом вопросе быть не может». И коммунистическая фракция III сессии ВЦИК'а, внимательно изучавшая все вопросы, связанные с укреплением революционной законности; и III сессия ВЦИК'а, обстоятельно обсуждавшая положение о защитниках,—даже не поднимали вопроса о недопустимости участия коммунистов в коллегиях защитников; напротив, из принятого III сессией ВЦИК'а положения об адвокатуре, из допущения этим положением лиц, занимающих государственные должности по выборам (в подавляющем большинстве коммунистов), к участию в коллегиях защитников косвенно явствует, что воля ВЦИК'а и коммунистической фракции III сессии ВЦИК'а по данному вопросу определена: коммунисты могут быть членами коллегии защитников. Да иначе и быть не может. Революционная законность—одно из могучих орудий дальнейшего укрепления советской власти; суд—средство насаждения революционной законности; защитник—составная часть судебного процесса; как же членов партии не допускать до столь важного дела; можно ли в этом деле ограничиваться только непосредственным воздействием на массу беспартийных защитников, контролем над ними со стороны; не являет-

ся ли не только целесообразным, а и настоятельно необходимым ввести в коллегии защитников членов РКП, дабы иметь внутреннее влияние на таковые, внутренний контроль над ними? А юридическую помощь населению—на каком основании мы передаем только беспартийным? А повседневная жизнь разве не выдвигает нам один за другим случаи, где требуется защитник именно коммунист?

Тов. Андреас возражает т. Бранденбургскому. «Не Балалайкиным, хотя бы с партбилетом в кармане, насаждать революционную законность,—говорит он,—коммунистов-юристов с партийным и практическим стажем до смешного мало». При таком положении, если допустить коммунистов в коллегии защитников, то, по необходимости, небольшая группа коммунистических защитников «бессильно и немощно будет плестись в хвосте большинства, вечно подозреваемая в производстве внутреннего контроля, постоянно ненавидимая враждебной средой и постепенно растеривающая в ней по человеческой слабости свою коммунистическую чистоту, настойчивость и непримиримость». А потому, место юристов-коммунистов «на командных высотах революционной законности. Им обсуждать и решать, а не освещать и затемнять дела. Некто, охраняющий вход, а не ищущий выходов—вот роль, которую на ближайший исторический период жизнь предугадала юристу-практику—юристу-марксисту».

Затронутый вопрос, как видим, имеет не одну точку зрения и требует всестороннего своего освещения. Работники советской юстиции, надеемся, не откажут обсудить этот вопрос и на страницах «Еженедельника Советской Юстиции».

Сергей Н.

Критика и библиография.

«Советское право». Журнал Института советского права. Москва, № 1.

«Право и жизнь». Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства. Издательство «Право и жизнь». Москва, № 1.

Не было ни гроша, да вдруг алтын.

Наша бедная юридическая литература обогатилась сразу двумя серьезными журналами. Один—«Советское право»,—издается Институтом советского права и посвящен разработке и исследованию советского права во всех его проявлениях и во всем его многообразии. Другой—«Право и жизнь»,—издаваемый под редакцией трех профессоров, стремится путем «теоретической разработки права, основанной на лучшем юридическом наследии прошлого и на учете новых политико-правовых идей, купленных ценой революционного опыта, оказать посильное содействие укреплению начал законности».

В «Советском праве» всего несколько статей (шесть). Журнал еще не приступил с первого номера к выполнению своей непосредственной задачи. Из шести статей две посвящены предварительным вопросам о задачах и методах изучения советского права, а третья намечает «некоторые методологические предпосылки для построения и разработки системы трудового права». Если задачи изучения советского права обрисованы Д. И. Курским коротко и ясно, с указанием на необходимость охвата научной мыслью известной определенной области права целиком, изучения типовых отношений, анализа основных институтов права, а не разбора отдельных декретов и декретиков, то в статье о методах изучения советского права (Д. А. Магеровский) автор развивает мысль о необходимости применения к изучению правовых явлений марксистских методов и стремится указать, какие именно, методы могут и должны иметь место при изучении права. По существу нельзя согласиться с выдвигаемыми автором четырьмя точками зрения (экономическая, материалистическая, социально-классовая, диалектическая и активно-организационная) и методологическими принципами, обогащаемыми двумя методами старой школы: догматическим и научно-прикладным. Что марксист изучает право, исходя из основных положений диалектического материализма—это бесспорно, но обособление диалектики, как метода, от экономическо-материалистической точки зрения, дополняемой в классовом обществе еще социальной точкой зрения, и противопоставление этим «точкам зрения» метода догматического—вряд ли представляется правильным. Не «точки» зрения,—а точка зрения—одна, охватывающая все методы и догматический, и исторический, и др. изучения права. Изучает ли марксист советское право, исследует ли он буржуазное право—методы, точка зрения, подход—одинаковы. Хотя статья и вызывает некоторые сомнения и возражения, она может оказать немало пользы многим ученым юристам (хотя бы, к примеру, некоторым сотрудникам журнала «Право и жизнь»).

Вплотную к задачам, поставленным себе журналом «Советское право», подходит В. Н. Дурденевский в статье «Совет Народных Комиссаров». Это серьезное исследование, основанное на подробно разрабо-

танных сотрудниками Института советского права материалах, представляет большой интерес не только для нас, но и для всех, интересующихся правом Советской России. Статья Дурденевского, вместе с статьей И. С. Войтинского (несмотря на то, что последняя говорит лишь о предпосылках), бесспорно должны будут быть использованы как будущими историками советского права, так и теми новыми советскими странами, в которых у власти окажется пролетариат, а кое-что может быть использовано и сейчас.

Странное впечатление производит статья А. Вормса «О смешанных акционерных обществах». Автор излагает историю смешанных обществ (в которых наряду с частными капиталистами участвует государство), говорит об имевшем место в дореволюционной России попытках создать смешанные общества и приходит к выводу, «что наиболее серьезные опасения за успешность функционирования смешанных обществ, возникающих у нас в совершенно иной обстановке и для совершенно иных целей, чем на Западе, вызваны двумя особенностями их: 1) слишком значительными отклонениями проектированных уставов от нормальных уставов обществ торгового права и 2) отчужденностью личного состава органов, призванных вести дела смешанных обществ, от коммерческих навыков и традиций». Все это, может быть, и великолично, но позволительно спросить, при чем тут право вообще, и, в частности, советское. Вряд ли исследование юридической природы смешанных обществ, а не соображения хозяйственного порядка определенного характера, привели автора к мысли, что при организации смешанных обществ нужно как можно меньше отступать от обычного типа частных торговых товариществ, ослабить, поелику возможно, роль в них государства, вводить в управление поменьше коммунистов и побольше людей с «коммерческими традициями».

Вопросу «Государство и революция» посвящает свою статью П. И. Стучка.

В журнале имеется несколько обзоров (законодательство о потреб. кооперации, правовой деятельности в области национальной) и большой библиографический отдел.

В общем, у журнала нет яркой физиономии, и хотя приспособление журнала к деятельности Института советского права целесообразно, но, думается, что журнал должен взять более боевой тон, чтобы защищать поднятое им знамя советского права. Это тем более необходимо, что в другом журнале «Право и жизнь» мы встречаем знакомые, типичные черты сменовеховского лица. Тут и приятие революции (не как освобождающей силы, а примирение с результатами разрушительной стихии), тут и некоторые высокопоучительные выводы из революции, тут и признание некоторых положений советской юстиции, тут и неспособность понять характерные черты современности, уловить своеобразие переходного времени—и отсюда при программном желании толкать путем укрепления законности жизнь вперед—бег назад.

В журнале много статей, много тем, много имен, залпнуты в той или иной мере почти все вопросы, стоящие на очереди дня, и общие вопросы о законности и революции, Уголовный Кодекс, прокуратура,

государственный строй РСФСР, внешняя торговля, международное право, земельные законы, проект положения об обязательствах, право застройки. Только об адвокатуре нет ни слова, хотя, казалось бы, вопрос об адвокатуре должен был привлечь к себе внимание журнала. За редким исключением, статьи написаны живым, деловым, не профессорским языком. Принципиальная позиция журнала определяется статьями А. Трайнина «О революционной законности» и Н. Тоцкого: «Право и революция». Позиция эта в достаточной мере примитивна. Каждая революция имеет две стадии: разрушительную и творческую. Первая стадия кончена, начинается творческая и тут можно и должно принять участие в работах. Была «революция, как стихия», а стала «революция, как право-порядок». «Революция стала течь по руслу законности» (Трайнин). Но река входит в берега уже после разлива, — не думает ли автор, что революция уже вошла в берега законные, естественные берега, что революция кончена. И нет ли в течении революции по руслу законности внутреннего противоречия? Во всяком случае, такие признания, как «каждая социально-политическая система имеет ей соответствующую правовую форму, каждый класс свое право» (Трайнин) или «переживаемая нами революция никогда, ни при каких условиях не возвратится целиком к исходному моменту. Произошло глубочайшее изменение» (Тоцкий)... «Сорвать повязку с глаз Фемиды, быть-может, и целесообразно, ибо, в конце-концов, она всегда была зрячей» (Трайнин), — представляют, несомненно, шаг вперед. Но это, так-сказать, в общей части, а в особенной А. Тагер в статье о «Проблемах законности в Уголовном Кодексе» дает практический комментарий и хотел бы видеть новый Уголовный Кодекс очищенным от всех налетов революционной стихии и анархии, вытравить из него все, что в нем противоречит истинной законности, и именно вернуться к исходному моменту. Для А. Тагера судья — исключительно исполнитель, роль его чисто формальная. (Кто знает, быть-может, при дальнейших умопомрачительных успехах техники удастся его, вообще, заменить каким-нибудь механизмом!). Судебное правотворчество совершенно отрицается Тагером. Отсюда его поход против 6, 7, 10 ст.ст. Уголовного Кодекса. Наказуемость безхозяйственности также противоречит, по мнению А. Тагера, настоящей, не революционной законности, потому что суд не может устанавливать правильность или неправильность хозяйственных распоряжений должностных и частных лиц. Но, ведь, вопрос не в том, как и кто будет устанавливать безхозяйственность, — а является ли безхозяйственность преступлением или нет.

Поразительное дело! При разборе любого декрета, любого положения заметно стремление непре-

менно подвести его под какой-нибудь существующий институт буржуазного права, найти его «образ и подобие». Какова государственная структура РСФСР — спрашивает Б. Плетнев — и начинает искать на земном шаре государство, которое было бы похоже на РСФСР. Не союзное государство и не союз государств, не Соединенные Штаты и не Французская республика, не Италия и не Германия. Больше всего сходства находит автор между РСФСР и Великобританией. Но в том-то и дело, что государственная структура РСФСР может и даже должна не быть похожей на иные существующие государственные образования, она не имеет своего прообраза. Возьмем ли мы другую область — гражданское право — та же картина. Разбору ст. 72—85 проекта (НКЮ) положения об обязательствах, вытекающих из договоров, Н. Новицкий предпосылает введение и говорит: «составители проекта не пошли по проторенной дороге, ряду принципиальных вопросов они дают не ту постановку, какая признается наиболее целесообразной наукой гражданского права», и определяет свою задачу: «отметить, насколько удачны отступления составителей проекта от имеющихся в их распоряжении образцов западных соседей, старших в культурном отношении». Настолько ярко сказано, что дальнейшее разъяснение излишне. Наконец, А. Тагер в вышеупомянутой статье не может выйти из ограниченного круга установленных понятий. Совсем, как купец Куртома в рассказе Замятина: «надо жить согласно западно-европейским народам, видеть образованные города». Все это — критика справа. Очень интересна критика «слева», которой подвергает Уголовный Кодекс один из редакторов журнала, последовательный сторонник социологической школы Н. Гернет, доказывающий, между прочим, что Уголовный Кодекс слишком далеко ушел в сторону защиты частной собственности.

В журнале много хроники и большой библиографический отдел. Рецензии, иногда, с сильным обывательским душком, например, рецензия П. Люблинского книги венгерского коммуниста Ракоша: «Революционное правосудие». «В области материального уголовного права, — говорит П. Люблинский, — обязательность прежнего уголовного уложения была отменена, но большинство старых понятий сохранило свое значение. Путем декрета была лишь провозглашена ненаказуемость аборта, да пролетарские суды не наказывали привлеченных за прелюбодеяние и лобострастие». Вот оно, чем занимался пролетариат на следующий день после социальной революции. Тот же душок и в рецензии книги Быстринского.

Следует приветствовать появление заметок и обзоров заграничной литературы по вопросам права. Эта сторона имеет сейчас большое значение.

Ерегик.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Козельск, убуост, тов. Свечникову. Векселя прежнего времени, выданные до издания Устава о векселях («Изв. ВЦИК» от 30/III с. г., № 72), имеют силу обычного долгового обязательства и могут быть предъявляемы ко взысканию обычным иском порядком, причем возражения против существования долга, удостоверенного векселем, должны быть подтверждены достаточно вескими доказательствами, оценка которых принадлежит суду, решающему дело по существу.

Сарапульскому убуосту. Трудовое хозяйство, оставшееся после смерти домохозяина, согласно ст. 9 декрета об отмене наследования, переходит в непосредственное распоряжение оставшихся наличных родственников и поэтому может быть отчуждаемо беспрепятственно, за исключением земли и связанной с нею строений. Для последних действуют в сельских местностях ограничения по закону о социализации земли и по принятому майской сессией с. г. ВЦИК'а закону о трудовом землепользовании. В городах дей-

ствует декрет от 8-го августа 1921 г. о праве отчуждения немунципализированных строений.

Нарсуде 1-го участка г. Калязина. Пересмотр вступившего в законную силу приговора в порядке высшего судебного контроля только потому, что обвиненный желает и надеется себя реабилитировать, невозможно, ибо в этом нет ни одного из поводов, предусмотренных положением о ВСК. Заявление о том, что в этом деле были «сведены личные счеты», не

содержит в себе никакого конкретного указания. Если кем-либо были сделаны ложные свидетельские показания, то необходимо предъявить обвинение в лже-свидетельстве, и тогда обвинительный приговор, который установит несоответствие действительности каких-либо существенных обстоятельств, послуживших основанием для первого обвинительного приговора, будет вполне достаточным поводом для пересмотра его по вновь открывшимся обстоятельствам.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Циркуляр № 71.

Всем Совнарсудам, Ревтрибуналам и Прокурорам.

О рассмотрении дел по мелким проступкам, не предусмотренным гл. VIII Уг. Код.

III сессия ВЦИК, рассматривая проект Уголовного Кодекса, представленный НКЮ, признала, что совершение мелких проступков, заключающихся в нарушении правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность, публичный порядок и т. п., должно караться, по общему правилу, в порядке административном, а не в судебном, и вследствие этого постановила исключить все касающиеся этих проступков статьи из Уголовного Кодекса (кроме точно указанных в главе VIII Угол. Код.), предоставив губисполкомам и уисполкомам регулировать эти вопросы путем издания обязательных постановлений, на основании действующих узаконений.

В настоящее время порядок издания обязательных постановлений и наложение за нарушение их административных взысканий определен «Положением о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» от 27 июля 1922 г. («Изв. ВЦИК», № 173 от 4-го августа с. г.).

Указанное положение, предусматривающее законный порядок административного разрешения большого количества мелких дел, не вызывающих при своем разрешении никаких затруднений и рассматриваемых до сего времени народными судами, должно быть проведено в жизнь, тем более, что в настоящее время, с переводом на местные средства нарсудов и сокращением их штатов, народные суды могут исправно работать, лишь ограничиваясь точно определенной областью уголовных правонарушений на основании Уголовного и Угол.-Проц. Кодексов. Только в тех случаях, когда привлечение к ответственности за нарушение обязательного постановления производится по истечении месяца со дня обнаружения проступка, дело должно направляться в народный суд (ст. 9 п. «в» указанного положения). Конечно, если какой-либо губисполком признает целесообразным наложение административных взысканий за нарушение тех или иных обязательных постановлений в порядке судебном (в пределах ст. 2 указанного положения), он не лишен возможности оговорить это в самом обязательном постановлении, но передача означенных дел на рассмотрение нарсудов может производиться губисполкомами лишь при условии достаточного снабжения ими органов народного суда материальными ресурсами, дающими возможность иметь соответственный штат народных судов для рассмотрения всех направляемых не только согласно Уг.-Проц. Кодекса, но и на основании обязательных постановлений, дел.

Между тем, поступающие в НКЮ сведения указывают, что народные суды, при отсутствии означенных постановлений губисполкомов, продолжают принимать к своему производству множество дел, касающихся совершения мелких проступков, не предусмотренных глав. VIII Уголовного Кодекса.

При привлечении к уголовной ответственности и определении наказаний за совершение указанных проступков нарсуды пытаются пользоваться ст. 10 Угол. Кодекса, несмотря на то, что аналогия не может быть применена к тем деяниям, которые должны караться в административном порядке (см. цирк. № 48, 1922 года, п. 5).

В виду изложенного Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем народным судам на будущее время не принимать к своему производству (кроме случаев, указанных в п. «в» ст. 9 положения от 27 июля с. г.) дел о совершении мелких проступков, не предусмотренных Уголовным Кодексом, взыскания за такие проступки могут налагаться, при наличии соответствующих обязательных постановлений, в порядке административном или же, на основании действующих узаконений, в порядке дисциплинарном.

В частности, народным судам надлежит иметь в виду, что к такого рода делам относятся дела о врачевании с корыстной целью неимеющими на то права лицами, о нарушениях противопожарных правил, о незаъявлениях о смерти и нарушении правил о регистрации рождений, о постройке домов без надлежащего разрешения, о нарушениях правил для открытия торговых и промышленных предприятий и правил торговли, о нарушении правил учета военно-обязанных и регистрации прибывающего и выбывающего населения, о непредставлении органам власти сведений и отчетов о государственном имуществе, предоставленном группам верующих для религиозного использования, о нарушении тишины, появлении в пьяном виде и распитии спиртных напитков, о порнографических изданиях, допущении разврата в гостиницах, об азартных играх, о курении табака, где это воспрещено, о нарушении правил езды, о нарушении правил убоя скота и т. п.

Все означенные дела, поскольку они уже были приняты нарсудами, должны быть закончены последними согласно п. «б» циркуляра НКЮ № 48—1922 г.

Вместе с тем НКЮ обращает внимание нарсудов на необходимость применения порядка наложения наказаний судебными приказами во всех случаях, когда это предусмотрено Уг.-Проц. Кодексом (ст. 406 Уг.-Проц. Код.), отнюдь не внося таких дел на рассмотрение народного суда, поскольку, конечно, об этом не будет ходатайствовать сам осужденный на основании ст. 410 Уг.-Проц. Кодекса.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

9 августа 1922 года.